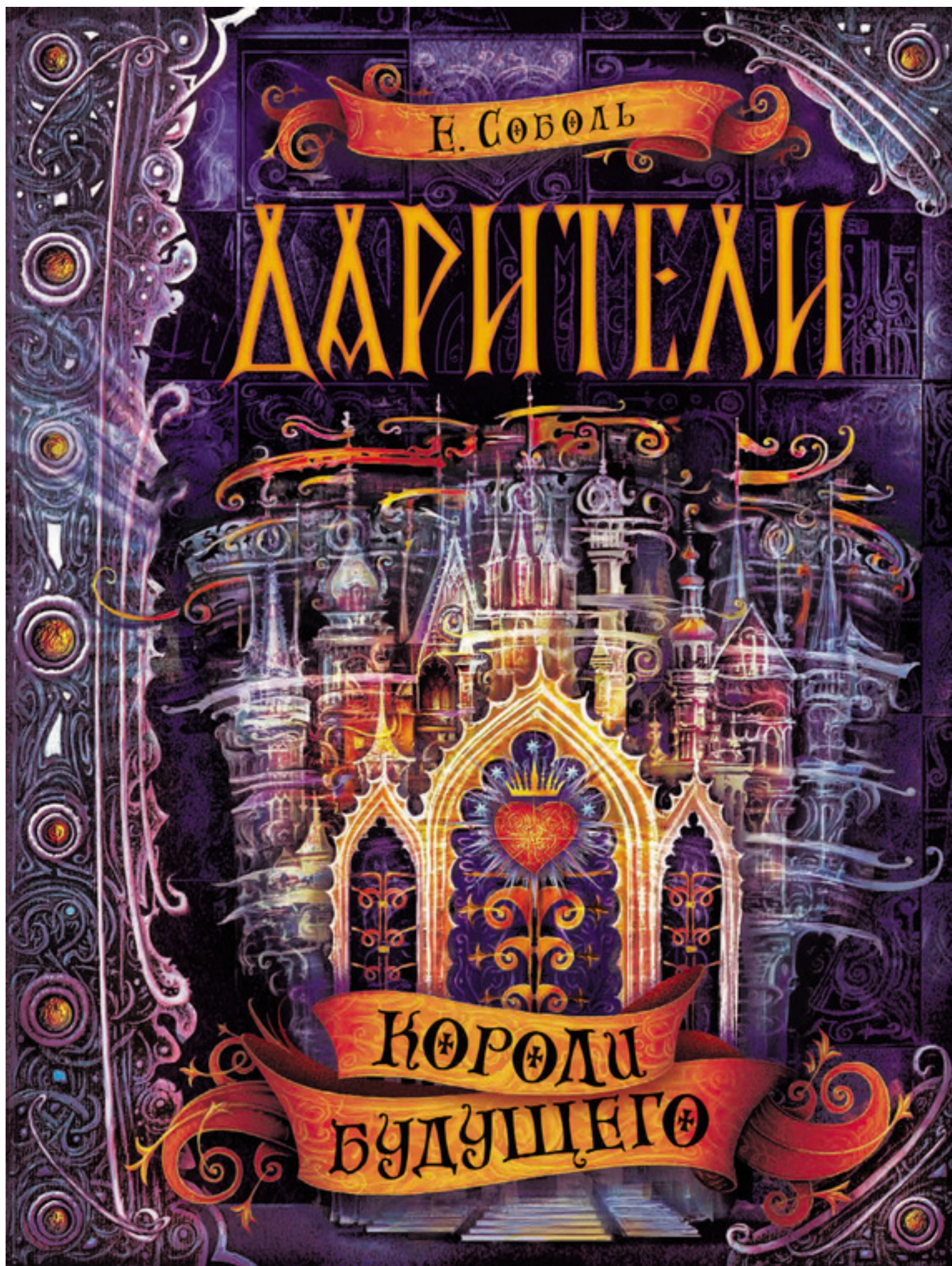

Е. Соболев

ДАРИТЕЛИ

КОРОЛИ
БУДУЩЕГО

Дарители

Екатерина Соболев
Короли будущего

«РОСМЭН»

2016

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Соболь Е.

Короли будущего / Е. Соболь — «Росмэн», 2016 — (Дарители)

ISBN 978-5-353-08169-2

Вторая книга уже полюбившейся читателям саги «Дарители». Отправляясь в замок, чтобы вручить королю Сердце волшебства, Генри был уверен, что волшебная сказка подходит к счастливому концу. Но не тут-то было: сказка только началась. Страшная сказка, в которой все окутано зловещей тьмой. Что ждет Генри в замке? Какие загадки придется ему разгадывать? С какими темными силами столкнуться? И что будет с Даром самого Генри?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08169-2

© Соболь Е., 2016

© Росмэн, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	29
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Екатерина Соболев Короли будущего

Серия «Дарители»

© Е. Соболев, 2016

© ООО «РОСМЭН», 2016

* * *

Пролог

В прекрасном волшебном королевстве жили два мальчика, и судьба их с детства была известна: один должен был стать героем, другой – чудовищем. И если бы я придумывал, что было дальше, я сказал бы: они выросли и сразились, хороший победил плохого, а дальше жил долго и счастливо, конец. Но это другая сказка.

За три сотни лет до того, как родились эти двое, королевство лишилось главной своей драгоценности – Сердца волшебства. Уверен, вы про это слышали, но позвольте рассказать еще раз – нет в наших землях истории, которую повторяли бы чаще, чем эту.

Величайший волшебник на свете издавна любил путешествовать в обличье барса. Лично я всегда верил, что это чистая правда: такую причуду нарочно не выдумаешь. В древности Барс подарил правителям королевства удивительный предмет – Сердце волшебства. Его сила надеяла каждого жителя особым даром: сочинять музыку, строить дома, лечить прикосновением. На всякое дело был свой мастер.

И все было хорошо, пока на трон не взошел король Освальд. Больше всего на свете он хотел стать бессмертным и однажды выяснил: любое желание исполнится, если прикоснуться к Сердцу волшебства. Так он и поступил, и его желание сбылось, вот только Сердце потускнело, и дары у всех ослабели. Но Освальд уже не мог остановиться и решил загадать еще одно желание, но тогда Сердце погасло бы навсегда.

Тут в нашей истории и появляется добрый герой Сивард. Барс подсказал ему, где можно спрятать Сердце так, чтобы Освальд никогда его не нашел, и Сивард отправился в поход. А Освальд послал вдогонку своего помощника – разрушителя, обладавшего даром уничтожать прикосновением все, до чего дотронется. Сивард успел спрятать Сердце, но разрушитель догнал его, они сразились и, смертельно ранив друг друга, оба погибли.

Короля Освальда выгнали из дворца, и трон занял его сын, но сказать, что добро победило, было бы преувеличением. Сердце было надежно спрятано от Освальда, и его волшебство больше не достигало людей. Некогда великое королевство жило теперь бедно и печально, ведь его жители рождались бездарными и были не способны создать что-то новое. Ни Барс, ни Освальд с тех пор не показывались, но люди продолжали верить: однажды эта история продолжится, Барс и Освальд найдут новых воинов, и исход их битвы решит судьбу Сердца: либо его найдут и вернут людям, либо уничтожат навсегда.

Но годы шли, ничего не менялось, королевство угасало, и многие перестали надеяться на перемены. В сказку о Сердце волшебства верили теперь только дети, и каждый был уверен, что, когда вырастет, именно он окажется избранником Барса, наследником великого Сиварда.

Вот с этого и начинается наша история.

Через триста лет после пропажи Сердца у короля Лоренса и королевы Тильды родился первенец. Принца называли Эдвард, что значит «благословенный защитник». Он рос умным, красивым и храбрым ребенком – во всяком случае, так считали его родители, а принц охотно в это верил.

Когда удавалось ускользнуть от няни, Эдвард с младшим братом забирались на башню в крепостной стене дворца и смотрели вниз, на Мертвое озеро и горы, что виднелись за ним.

– А за горами что? – спрашивал Роберт каждый раз, будто не знал ответ наизусть.

– Там полно загадок и приключений, – отвечал Эдвард. – А еще где-то там прячется злобный Освальд. Мы однажды найдем его и покажем где раки зимуют. Как тебе такой план?

Роберт заливался счастливым смехом. Он был согласен на что угодно, пока они делали это вместе. Каждый раз им влетало от няни за то, что они залезли на стену, – и каждый раз они забирались туда снова.

А потом произошло кое-что ужасное. Эдвард лишился и брата, и матери, а отец возненавидел его. Но принц не терял надежду. Он знал одно, и это единственное, что осталось ему от счастливых времен: однажды Барс придет к нему, и он станет новым Сивардом, отыщет Сердце, победит Освальда и разрушителя. Он был уверен, что все исправит.

Как бы не так. Когда ему исполнилось восемнадцать, все рухнуло еще раз.

Я знаю это точно – ведь я и есть принц.

В ту ночь, четвертую после Зимнего дня, я проснулся от крика. Я сначала решил, что кричал сам, – опять те же сны, сны, в которых Роберт умирает. Но голос продолжал раскатываться по дворцу, и я узнал его: отец.

Я бросился к двери, путаясь в одежде и зажигая свечи. У нас во дворце есть правило – не выходить из комнаты после заката. Во-первых, свечной воск может испортить ковры. Предки явно как-то по-другому освещали эту громадину, но как – уже никто не знает. Во-вторых, сама тьма здесь живая, будто за плечом у вас прячется кто-то невидимый и злобный.

Но я все равно схватил подсвечник и, стараясь не глядеть по сторонам, бросился к отцу. В его покоях уже были Ингрид, Уилфред и парочка слуг. Сам отец сидел на полу в старинной ночной рубашке, и взгляд у него был совершенно безумный. Хуже, чем обычно.

– Никаких волшебников не бывает, ваше величество, – успокаивающе сказала Ингрид.

При виде меня все замолчали. Если вы когда-нибудь были человеком, которому нигде не рады, вы отлично представите себя на моем месте.

– Вы можете идти спать, ваше высочество, – неловко начал Уилфред. – Простите, мне жаль, что вас побеспокоили.

Я поклонился, принимая его извинения, но с места не сдвинулся, – чтобы выставить меня, придется ему придумать довод получше.

– Я видел его, – заговорил отец, глядя в стену. – Волшебника. Человек с седой бородой и в длинной одежде возник посреди моей комнаты. Он сказал... Сказал, что его зовут Тис.

– Как волшебника из сказок, который с лечебными кошками и конфетами? – уронила Ингрид.

От неожиданности все, кажется, даже забыли про то, что хотели меня выгнать. Отцу, видимо, было совсем худо.

– Он сказал, что король Освальд вернулся и я должен отправить войско бороться с ним. Якобы он жжет деревни где-то на юге, – отец сглотнул. – Что вообще творится? Недавно мне доложили, что объявился человек с даром разрушителя и уничтожает имущество.

Я подавился воздухом. Такие новости, а я ничего не знал. Мне иногда казалось, что во дворце это особый вид развлечения: делать так, чтобы я обо всем узнавал последним.

– На всякий случай я отправил весь отряд поиска ловить его. Конечно, нет никакого разрушителя, просто вор, использующий сказку, чтобы пугать людей, но... – Голос отца окреп. – Но от посланников до сих пор нет вестей. А теперь вот это.

– И что вы собираетесь предпринять? – осторожно спросила Ингрид.

Отец посмотрел на нее неожиданно ясным взглядом, так, будто она сказала страшную глупость, – и в его лице появилось что-то от прежнего отца, от короля, которым он был до того, как...

– Я не собираюсь ничего предпринимать! – крикнул отец. – Все это сказки. Посланников задержали какие-то дела. Уверен: выяснится, что это был просто вор. Мы в безопасности.

Даже свечи не разгоняли тьму в комнате, только бросали на стены странные, движущиеся тени.

– Конечно, вы правы. Вот, выпейте и поспите. – Ингрид протянула ему травяную настойку. Ей явно не терпелось поскорее вернуться к себе.

Отец проглотил настойку, и его уложили спать. Я стоял в углу, надеясь, что про меня забудут. А когда все разошлись, подошел к отцу и опустился на пол. Теперь его бледное больное лицо было совсем рядом с моим.

– Все, что предсказано, сбывается, да? – прошептал я. – Уверен, Барс выберет меня, и я не могу сидеть тут и ждать. Я найду Сердце. Благослови меня ехать.

– Не будет тебе моего благословения ни на что, – отрезал отец.

– А если я привезу Сердце? – упрямо спросил я, и отец утомленно прикрыл глаза.

– Привези, тогда посмотрим.

Я вылетел из комнаты и бросился к себе. Дорожного мешка у меня не было, потому что я никогда никуда не ездил, так что пришлось взять сумку для прогулок. Я побросал в нее вещи и кинулся к выходу. Если честно, я понятия не имел, куда ехать, но в моем сердце что-то будто горело. Я всегда мечтал об одном: изменить будущее, и сейчас наконец-то пришло время это сделать.

Кто-то, наверное, должен был меня задержать, это не могло так просто сойти мне с рук, но сошло. Охрана у входа в замок спала, и я скользнул мимо них. Теперь главное – тихо вывести коня и пройти мимо охраны по одному из трех тоннелей, ведущих за крепостную стену.

«Ты ведь такой умный, солнышко, – шепнул мне мамин голос. Я всегда его воображал, когда было совсем не по себе. – Придумай что-нибудь».

И я придумал. Тихо довел коня до входа в самый дальний от дворца тоннель, а там сел верхом и громко завыл.

Луна была яркая, она светила мне в спину, так что перепуганные охранники со сна меня не узнали.

– Ты кто? – слабо крикнул один из них, выставив перед собой меч.

– Я призрак короля Ингвара, – загробным голосом сообщил я. – Грядут новые времена, и я хочу вырваться отсюда на свободу. Откройте мне дверь, смертные!

У нас во дворце каких только странностей не бывает, так что мое объяснение их вполне удовлетворило. Охранник трясущимися руками отпер мне дверь, и я, прижавшись к холке коня, пролетел сквозь тоннель прежде, чем они успели меня разглядеть.

Отъехав подальше, я развернул карту. Волшебник сказал, Освальд где-то на юге, – значит, туда мне и нужно. Я, если честно, ждал, что Барс появится передо мной и объяснит, что делать, но потом решил: наверное, сначала я должен доказать, что достоин его выбора.

И я поехал.

В детстве я часто представлял, как наш дворец выглядит со стороны: темная громадина с обугленными, изуродованными стенами, над ней – статуя Дарителя с воздетыми к небу руками, рядом – Мертвое озеро и тусклые огни домов. А дальше, за пределами знакомых мест, бесконечные дороги, уводящие в темноту: огромное королевство, которым мы правим, но которого никто из нас никогда не видел.

Я ехал все дальше на юг сквозь грязное убожество, царившее повсюду. Я спрашивал людей, и все при виде меня кланялись до земли и указывали мне путь: слухи о пожарах и о людях в черных доспехах уже разнеслись везде. Через несколько дней я нашел первые следы Освальда: сожженную дотла деревню. Вот так разрушитель, его верный соратник, и поступал в сказке – уничтожал на своем пути все дотла. Сердце у меня колотилось от предвкушения подвигов.

Утром четвертого дня рассвет был очень ярким, и как будто сам воздух изменился, но я не придавал этому значения. К полудню я добрался почти до самых Пропастей, и на пустынной дороге навстречу мне попался человек.

Я заметил его еще издали из-за ярко-рыжих волос, да еще потому, что он хромал. Когда мы поравнялись, я велел ему остановиться. Он поднял на меня взгляд – слишком уж прямой

и наглый для перекошенного жалкого существа. Бедняк, который к тому же еле ползет, не должен смотреть так на того, кто сидит на коне в роскошной старинной одежде.

– Эй, ты, – начал я, – слышал что-нибудь про войска Освальда?

– О да. – Он коротко рассмеялся. Вид у него был бледный и побитый, но он улыбался так, будто сегодня лучший день в его жизни. – Только нет больше никаких войск. С них спало заклятие еще утром, когда Сердце нашли.

Я похолодел.

– Ты врешь. Я ведь еще не доехал.

– Видимо, обошлись без вашей милости. Его нашел наследник Сиварда, избранник Барса.

Невероятно было, чтобы его лицо засияло еще сильнее, но именно это и произошло. Мое сердце пропустило удар. Этого просто не могло быть. Или тут какая-то ошибка, или этот подлец издевается надо мной. Ведь если это правда...

– Его зовут Генри, – прибавил хромой так, будто это все объясняло.

– Почему ты не говоришь мне «господин»? И как смеешь так прямо смотреть на меня? – процедил я сквозь зубы, просто чтобы он не заметил, что я не могу дышать.

Он улыбнулся еще шире и глаз не отвел.

– Раз у каждого будет дар, теперь все станут равными.

Я схватил его за шиворот и подтянул к себе. Слушать это было невыносимо. Меня предупреждали, что чернь бывает наглой, но не настолько же.

– Никогда такие, как ты, не будут равны таким, как я.

– Не уверен, что хочу быть таким, как ваша милость, – пробормотал он, глядя на меня так, будто уговаривал себя помолчать, но не мог.

– Ты знаешь, кто я? Я твой будущий король, негодяй.

– Вот уж счастье так счастье, – как ни в чем не бывало пробормотал он. Кажется, даже мой кулак, держащий его воротник, не мог его заткнуть.

Конечно, я его ударил. Меня всегда учили, что такие должны знать свое место. По рождению он на столько ступеней ниже меня, что можно было бы составить винтовую лестницу. И я наотмашь отвесил ему оплеуху – а поскольку я куда сильнее, этот червяк отлетел и упал. Из кармана у него вылетел какой-то мешочек, и по тяжелому, звякающему стуку я сразу понял: монеты.

Я спрыгнул с лошади и подобрал их прежде, чем уродец успел подняться.

– А это у нас что? – Я развязал тесемки и чуть не ахнул: там были не простые монеты, а старинные, очень редкие. Таких бесценных монет никак не могло быть у нищего. – О, так ты еще и вор?

Мне хотелось наказать его за наглость и за плохие вести. И мне было приятно, когда самодовольное выражение сошло с его лица и превратилось в испуганное.

– Нет, господин, пожалуйста, не отнимайте их, – забормотал он. Я вообще-то и не собирався, но тут он сам подал мне идею. Я вскочил на коня и покачал мешочек у хромого перед носом. Тот протянул к нему руку, и я отвел свою дальше. – Я их не украл, жизнью своей клянусь, умоляю вас, отдайте. Я ради них сделал кое-что ужасное, я... Сегодня ведь Сердце нашли, ради такого дня верните, господин. Посмотрите на меня, я не вру. Умение отличать правду от лжи пригодится будущему королю, разве нет? И милосердие тоже.

Он вызывал у меня отвращение: какой-то прозрачный, худой, несуразный, будто природа, создавая его, поспешила на кости. Я по-прежнему держал мешочек на весу. Уронить в его ладонь или забрать себе? Мне не нужны деньги, конечно, не нужны, но, может, проучить его? На секунду мне показалось, что даже листья вокруг перестали шуметь, будто все вокруг ждало, что я решу.

– Прошу вас, – занял он, цепляясь за мое стремя. – Гордиться мне нечем, но я помог ему, помог избранному. Настали времена добра и процветания, которых все ждали. Проявите доброту.

– Ты родился уродцем, природа тебя не пощадила, так с чего мне щадить?

И я положил монеты себе в карман – парень их, конечно, украл, а я верну в казну. Он дернулся, будто хотел отнять, но это было просто смешно. И тогда он сжал мое стремя и посмотрел на меня – так, будто видел насквозь.

– Ты в подметки ему не годишься, – тихо сказал он. – И никогда не станешь таким, как он. Никогда.

Такого победить небольшая доблесть, но взгляд его так раздражал, что на этот раз я ударил сильнее, чем собирался. Он отлетел в грязь и остался стоять на коленях, вытирая кровь рукавом. Лицо у него будто одеревенело, и на секунду мне стало жаль его, но я развернулся и, подстегнув коня, помчался вперед.

– Ты никогда таким не будешь! – крикнул он мне вслед, но я едва слышал. Мне нужно было срочно убедиться, что рассказанное им – ложь, и скоро я уже забыл про эту встречу, потому что со мной кое-что произошло.

Я так летел вперед, все подгоняя и подгоняя коня, что тот споткнулся: наверное, под копыто ему попал камень. Конь всхрапнул, оступился на всем скаку, будто запутался в собственных ногах, я пролетел вперед и с размаху растянулся на дороге, а конь упал. Руку обожгло болью, я задрал рукав – кости целы, даже ушиба не было. А вот конь лежал и не мог подняться, передняя левая нога была вывернута под странным углом. Конь храпел и метался по земле, пытался встать и не мог.

– Давай, кляча, поднимайся!

Я дергал его за поводья, но он хрипел только сильнее, пнул его – не помогло.

Коня придется убить, чтобы не мучился. Ему все равно конец. Я бессильно опустил на землю – я всегда любил лошадей, а этот конь был моим любимцем уже много лет, и я вдруг почувствовал, что задыхаюсь. Солнце зашло за тучи, и такая тишина была вокруг, будто мы с ним одни в целом свете. Конь загнанно дышал – и я, сам не зная зачем, коснулся его раненой, неподвижно лежащей ноги. Кожа была теплая, под ней мелко дрожали мышцы, острые края кости изнутри упирались в плоть, пытаюсь разорвать ее сильнее. Я обхватил перелом ладонями, меня словно что-то потянуло так сделать, как будто это могло помочь.

И тут произошло что-то странное. Края кости начали сходить под моей рукой, как разводной мост, они двигались, прилаживались друг к другу. Я чувствовал, как собираются и встают на место мелкие костяные осколки, как сшиваются разорванные мышцы, как восстанавливаются сосуды и кровь снова начинает по ним течь.

Я отдернул руки. Конь, у которого в глазах только что стояли слезы, поднялся на ноги, сделал пару шагов и взглянул на меня, будто говорил: «Ну что, поехали?» А я все сидел, бессмысленно глядя на свои руки. Я чувствовал себя вымотанным, уставшим, кружилась голова, как будто все свои силы я отдал коню. В это невозможно было поверить, но именно это и произошло: я коснулся его ноги, и кость срослась.

Значит, хромым не врал, Сердце правда нашли. Дары вернулись – и один из них есть теперь и у меня. Я засмеялся трясущимся, взвинченным смехом.

Дар исцеления. Не войны, не драки, не меткой стрельбы, а дурацкого исцеления. Барс издевается надо мной. Я всегда так гордился своей силой, а мне достался дар, как у девчонки, от которого я еще буду слабеть каждый раз, как использую его. Лечить, слабее самому, – да кому такое нужно?

Но даже думать об этом у меня не было сил. Я с трудом поднялся на ноги, отошел подальше в чащу, привязал коня к дереву и уснул, подложив под голову сумку. Сквозь сон

мне все казалось, что кто-то смотрит на меня из чащи, но я слишком привык спать в полном мрачных теней дворце, чтобы из-за этого проснуться.

Когда я открыл глаза, была глубокая ночь, почти утро. Я проспал едва ли не сутки. Ноги у меня до сих пор тряслись от слабости, и я решил: никому не расскажу о том, что случилось с конем, никогда больше не воспользуюсь даром, не буду чувствовать себя таким слабым.

Поднялся ветер – выл, стучал ветками деревьев, и, чем ближе я подходил к Пропастям, тем сильнее он становился. Еще издали я услышал: дела там довольно плохи. Оттуда неслись гневные, полные ненависти крики, звуки ударов, и я, спрятав коня в ближайшем лесу и оставив там же мундир, подобрался ближе.

То, что я увидел, на празднование победы было уж никак не похоже. Сотни людей занимались тем, что, кажется, пытались друг друга убить. На минуту я замер, а потом заметил неподалеку знакомые мундиры посланников и подошел к ним. В предраассветной полутьме никто на меня и внимания не обратил.

– Я вас уверяю: это ошибка! – кричал своим подчиненным кудрявый Олдус Прайд. Я видел его тайком, когда он пару раз удостаивался встречи с моим отцом. – Да, у него дар огня, но он и есть избранный! Генри спас нас всех, когда же до вас дойдет! Он не виноват в том, что случилось! И как бы все это ни выглядело, они с Освальдом не заодно!

Генри. Так же избранного назвал и хромой парень. Но если у него при этом еще и дар огня... Я чуть не задохнулся от гнева. Барс, наверное, с ума сошел, раз выбрал такого героя. Это было бы даже смешно, но по отчаянному голосу Олдуса Прайда я уже понял: он не лгал.

– А ведь как хорошо праздник начинался, да, соколик? – проскрипел рядом со мной какой-то дед. Он сидел на земле, обхватив себя за плечи, и раскачивался из стороны в сторону.

Я ему не ответил – слишком поглощен был своими мыслями. А что, если не все еще потеряно? Барс ошибся, вот и все. Надо просто выждать, а потом явиться в самый подходящий момент. Если этот Генри может уничтожить прикосновением, он чудовище, и место ему – в Цитадели. Неважно, что он сделал, главное – кем родился. Он хочет забрать себе мое место, мои подвиги, но я этого так не оставлю.

И я почувствовал, как мое сердце наполнилось ненавистью.

Меня зовут Эдвард, и я наследник трона волшебного королевства, но в этой истории героя из меня не вышло. Героем стал тот, кому было предназначено стать чудовищем и служить злу. Ну а мне, принцу, рожденному для славы, оставалось только...

А впрочем, обо всем в свое время. Устраивайтесь поудобнее, господа. Добро пожаловать в сказку, какой вы еще не слышали.

Глава 1

Книга сказок

Каждый в королевстве знает: ветер – это великан. Он спит высоко в облачной постели и просыпается, если солнце или луна слишком ярко светит ему в глаза. Великан уверен: все, что он видит внизу, кем-то выстроено нарочно для того, чтобы его развлечь. Он никак не может дотянуться до всех чудесных игрушек под облаками – они ведь поставлены так далеко, чтобы он их не сломал, – и поэтому дует. Ему нравится смотреть, как все приходит в движение: раскачиваются качели, кружатся листья, поднимаются волны на воде. И он наблюдает за этим прекрасным зрелищем, пока не заснет снова. Великан – как ребенок, и никто не может ему приказывать, куда дуть.

Почти никто. И почти никогда.

В этот раз он начал с того, что тронул листья дерева, тихо качнул их – и Генри проснулся. «Идет восточный ветер», – подумал он, и почему-то эта мысль была очень яркой, но потом Генри открыл глаза, вспомнил, где он, и все остальное вылетело у него из головы.

Было уже темно, но над Пропастями по-прежнему разносились песни, разговоры, топот ног, звон чашек и даже пиликание какого-то музыкального инструмента. На месте победы над Освальдом начали веселиться, когда солнце стояло высоко. Сейчас было давно за полночь, но никто, похоже, не видел повода отправиться спать. Сам Генри почти сразу спрятался в эвкалиптовой роще, устроился в развилке между толстых веток и заснул, а теперь едва мог пошевелиться: все-таки дерево не лучшее место для сна.

– А ты выпей чаю и сразу взбодрись.

От неожиданности Генри чуть не свалился вниз, но вовремя ухватился за ствол. Скриплер сидел перед ним, держа чашку с блюдцем. На фоне дерева его было почти не различить, что для пня с глазами, конечно, неудивительно.

Отличить скриплеров друг от друга непросто, но этого Генри узнал. Среди верхних веток у него сидели светляки: живой, разноцветный обод. Корона, вспомнил Генри. Вот как это называется.

– Чай – лучшее начало дня, даже если день начинается ночью. – Пал, король скриплеров, поклонился с ловкостью, которой не ожидаешь от кого-то настолько деревянного, и торжественно вручил ему чашку.

– А вот им, по-моему, уже хватит. – Генри кивнул вниз, туда, где сотни человек никак не могли утихомириться. Скриплеры сновали среди них с чайниками и корзинами и по-прежнему кормили всех желающих. – Им бы выпастись, а они скачут, как ошалевшее стадо лосей.

– Герою не пристало быть таким занудой, Генри, – весело сказал скриплер. – Тебе еще много предстоит узнать о людях, а пока запомни вот что: веселье – неплохой способ побороть страх.

– Я уже достаточно знаю о людях, – фыркнул Генри и удобнее лег на ветку, глядя в усыпанное крупными звездами небо. – Целых две недели с ними провел.

– Если до этого много лет никого из них и близко не видел, боюсь, двух недель маловато. – Пал взял у Генри пустую чашку и бросил вниз. Другой скриплер, сидевший, как оказалось, на ветке под ними, поймал ее и скрылся среди листьев, ловко переваливаясь на своих спутанных корнях. – Кстати, прости. Я оставил твой вопрос без ответа, а это невежливо. Мы перестали наливать им чай из чайных листьев еще пять часов назад. Перешли на успокаивающую липу и чабрец. А последний час наливаем только совершенно усыпляющий настой пустырника и ромашки.

Где-то совсем близко раздался взрыв смеха. Генри свесился вниз, но никого не увидел – ветки закрывали обзор.

– А теперь предоставим слово еще одному мудрому старейшине: мне! – громко сказал кто-то прямо под деревом. Другие голоса одобрительно зашумели.

– Да, я смотрю, ромашкой их не возьмешь, – пробормотал Генри, оборачиваясь.

Но Пал уже исчез, только поблизости еле слышно шуршали ветки.

– Все, кто выступал до меня, твердили одно и то же: гадали, кто достал Сердце волшебства, – продолжал все тот же надтреснутый, пронзительный голос. – Я сам, помнится, поставил свою шапку на то, что наследник Сиварда окажется человеком уважаемым, в летах и высокого происхождения. И это, конечно, очень интересно, но давайте-ка лучше обсудим, что нам делать дальше.

Снизу раздался многоголосый неодобрительный стон.

– Чего тоску нагоняешь! Все как-то само утрясется! – сказал женский голос, который звучал так, будто у его обладательницы не хватало большей части зубов.

Генри встал на ветку, сделал по ней несколько шагов и бесшумно растянулся на животе, глядя вниз. Вот отсюда видно было отлично: под деревом, полукругом расставив скамейки, сидели старики. Одни дули на чайные чашки, другие – на руки, пытаясь согреться. Старик с нечесаной желтоватой бородой стоял в центре и явно пытался сделать так, чтобы его послушали.

– Говорят, заклиние с нас упало, потому что Сердце волшебства вернули, и жить мы будем теперь, как в сказке! – Он сердито дернул себя за бороду. – А я вот никогда не хотел оказаться в сказке, где злодей, с головы до ног в доспехи закованный, в твою деревню приходит, деревню сжигает, а на тебя заклиние накладывает, волю подчиняющее. И ты с больными суставами три дня куда-то шагаешь, потом в здравый рассудок приходишь, – а ты со всеми родичами на краю света и без всякого имущества! Жили мы себе спокойно, и вдруг на тебе! Где это видано! А вы что? Бороды седые, и туда же – как дети малые радуетесь! Мы тут все с голоду перемрем, и звери дикие нас задерут, и мы...

– Смотри веселей! – перебила старушка в красном полушубке. – Кто-то же спас нас, так? А значит, избранный, которого все триста лет ждали, явился! Поборол Освальда, прикончил разрушителя – чудовище это, которое по всему королевству посланники искали, – и Сердце вернул.

– И чего ж не видеть героя, а? – Старичок уперся кулаками в бока. – Куда делся-то он? Вокруг тревожно зашумели.

– Объявится и мигом все решит!

– Он же Барсом избранный и мудрость через то имеет!

– Вот бы хоть одним глазком на него взглянуть!

– А я уверен, что он среди нас тут ходит, да мы не узнаем его! – гаркнул мрачный человек с бородой, похожей на лопату.

– Скажешь тоже! Уж такого да не узнали бы! Он, конечно, высокий, статный, одет роскошно, а уж какой красавец – словами описать невозможно!

– А еще обходительный и учтивый и говорит так, что заслушаешься!

– И богач, это уж обязательно! Эх, я бы внучку за него выдала!

– Вот и я про то! – Старичок сердито хлопнул ладонью по скамейке. – Такого ни с кем не спутаешь, а раз никто его не видел, так и нет его тут. Оставил он нас. Нужны мы ему, такие чумазы! Поехал небось к себе в столицу – он наверняка оттуда! Может, даже принц. Так что давайте-ка сами решим, как дальше быть.

На этот раз ему не возразили. Кажется, все начали понимать, что положение у них так себе. И только старушка в красном гнула свою линию.

– Нет уж, мы лучше его подождем. Он на то и герой, чтобы нас и дальше спасать. Объявится, вот увидите. Свалится как снег на голову! – с жаром настаивала она. – И сразу к нам, к самым мудрым. Поклонится и скажет геройским таким голосом: «Премного уважаемое собрание! Не волнуйтесь, изгоните тоску из ваших сердец, ибо Сердце обретено и настали времена радости и...»

Она говорила это таким смешным басом, что Генри фыркнул – и, кажется, слишком громко. Все посмотрели наверх, и он прижался к ветке, пытаясь слиться с ней, но сразу было ясно: заметили.

– Мальчик, как ты туда забрался? – строго спросил желтобородый, задрал голову.

– У меня один раз котенок на дерево влез, – задумчиво протянул мужчина с бородой-лопатой. – Вот на такую примерно высоту. Пришлось посланников вызывать, чтобы достали. Да они и сейчас где-то бродят, давайте позовем. Только у них лестницы с собой вроде нет.

– Не надо посланников, – быстро сказал Генри. – Слезаю.

Он сполз с ветки, уцепился за нее руками – внизу сдавленно ахнули, – раскачался и прыгнул. Коснулся ладонями земли, удерживая равновесие, и выпрямился.

Старушка в красном вскрикнула и прижала руки ко рту.

– Ишь, какие трюки! Как пума прыгает! Мальчик, ты из бродячего театра?

Генри хотел было спросить, с чего они взяли, но потом глянул на себя и понял, что лучше не спрашивать. Люди и сами после похода выглядели так себе, а уж он тем более. Одежда порвалась и покрылась грязью, он две недели почти не ел и не спал, а сколько раз пришлось драться, уже и не вспомнить, так что на лице наверняка синяки. И волосы он не причесывал с тех пор, как ушел из дома. Генри прокашлялся. Он представлял себе этот момент как-то по-другому, но выбирать не приходилось. Он ведь им нужен, они не знают, что делать, так что надо придумать ответ. Успокоить их, сказать, что все будет в порядке и бояться нечего. Он еще раз обвел взглядом Пропasti, сосредоточился – и заговорил. Отец всегда учил его думать быстро.

– Тут человек шестьсот. Много. Старик с желтой бородой прав: нужен план. Вряд ли скриплеры будут нас вечно кормить. Надо собрать всю еду, что осталась, и пересчитать. Понять, на сколько дней ее хватит. И с этого места утром надо будет куда-то перейти. Тут нет воды и мало дров на костры. И еще я предлагаю...

Генри осекся. Он вдруг понял, что все смотрят на него так, как смотрел раньше отец, если он приходил с охоты без добычи.

– Да кто тебе разрешал на таком уважаемом собрании говорить без разрешения! – возмутился толстый кудрявый старик. – Не поклонился, не поздоровался, а указы раздает. Ишь, умник выискался! Кто тебя спрашивал?

– Вы, – растерялся Генри. – Я вас слышал. Это ведь я нашел Сердце.

Генри ждал, что они сейчас заулыбаются и начнут хлопать одной ладонью о другую, – он видел, что так делают, когда чему-то радуются. Но вместо этого все вдруг расхохотались.

– Ты-то? Ага, конечно! – хлопая себя по коленям, выдавил маленький старичок в вязаной шапке. – Каждый мальчишка о подвигах мечтает, оно и понятно, но какой из тебя герой?

– Щупленький!

– Недокормленный!

– Тебе шестнадцать хоть есть?

– А мама знает, что ты наследник Сиварда?

Старушка в красном полушубке вдруг протянула к нему руку и потрепала по волосам, убирая челку с лица.

– Ох, какой же ты хорошенький, если б тебя отмыть! Но уж герой – извини! Герои точно не такие!

Генри сжался. Он все ждал, когда она отдернет руку, она же без перчатки, но старушка не убрала, даже не вскрикнула, а значит...

– Вы не обожглись? – недоверчиво спросил он.

Все опять захохотали так, что под ними скамейка затряслась.

– Ну и шутник растет! Знаешь, ты, может, однажды и вырастешь горячим парнем, но у тебя молоко на губах еще не обсохло. Ишь ты! Не обожглись! Учудил! – Старушка убрала руку, и Генри едва не потянулся вслед за ней.

От облегчения он сам чуть не засмеялся. Он знал, что не избавился от дара, что, если снимет перчатки и прикоснется к чему-то, оно превратится в пепел так же, как было всегда, но вдруг понял, что огонь внутри его ослабел как никогда. Раньше отец даже раны ему промывал в перчатках, говорил, что его кожа на ощупь – как раскаленное железо. А теперь... Генри перевел дыхание. Он никогда еще не прикасался к людям, и они не прикасались к нему – до этой минуты. Рука старушки была сухой, морщинистой и теплой, и он все еще чувствовал на лбу след прикосновения. Это было так приятно, что на секунду он будто оглох.

– Ну ты чудик. – Старушка, отсмеявшись, вытерла глаза. – Развеселил стариков. А теперь иди и сам тоже повеселись: найди новых друзей, старых вспомни. Вся молодежь празднует, пляшет, а ты чего не с ними?

– Они что-то странное делают, – вглядываясь в даль, сказал Генри. – Прыгают и топают ногами. Я не знаю зачем.

Старики переглянулись.

– Это как же беднягу тем заклятием по голове приложило, если он даже танцев не узнает, – вздохнул один. – И правда, иди-ка, потанцуй.

– Точно! Тебе бы вот чем интересоваться. Или еще вон чем. – Старушка весело захихикала, и остальные тут же подхватили.

Генри посмотрел туда, куда она показывала. Парень с девушкой сидели рядом на скамейке и прикасались губами друг к другу.

– А что они делают?

– Иди, иди, шутник. Небось разыгрываешь нас – не могло тебе голову настолько отбить. – Старушка подтолкнула его в спину и повернулась к своим. – Так вот, о герое. А я, господа, думаю, что наследник обязательно золотоволосый должен быть. И чтоб кудри волнами так на плечи падали. Во все времена это признак благородного происхождения был. А еще ставлю перчатки на то, что он...

Генри пошел прочь, чувствуя на лице улыбку. Все будет отлично, даже лучше, чем он думал. Теперь он совершенно такой же, как все, если только не будет снимать перчатки, а снимать их он больше не собирался.

И он решительно направился к шумным людям, которые совершали странные движения под названием «танцы», – встав длинной линией и взявшись за руки, они разом подпрыгивали, били носком ноги о землю, потом пяткой – о колено другой ноги и мчались дальше. Иногда к ним присоединялись новые люди и ловко встраивались в эту линию. Вот бы понять, зачем они это делают, но пока ни одной идеи не было.

Генри постоял, глядя на людей и запоминая движения. Он вдруг понял, что щели в земле, которыми были покрыты Пропасти, стали совсем узкими, будто стянулись изнутри: может быть, Ночным Стражам, которые в них жили, надоело, что над их обиталищем стоит такой грохот. Как бы то ни было, Пропасти выглядели теперь как обычная голая равнина, так что ноги он себе, наверное, не переломает, даже если примет участие в этих прыжках.

Он выдохнул и, зажмурившись, влетел между двумя скачущими. Вот только он не сообразил, что надо схватить за руки соседей, его руки инстинктивно сжались в кулаки, а про ноги он вообще забыл. Соседи налетели на него, линия сбилась с шага, и все повалились друг на друга.

– Эх ты, неумеха! – весело крикнул кто-то и встал, потирая ушибленную спину. – Кто тебя танцевать учил?

– Никто, – пробормотал Генри, на всякий случай отползая подальше: вдруг они нападут на него за то, что он сделал?

Но все поднялись, схватились за руки и как ни в чем не бывало поскакали дальше. Генри встал. Нет уж, это у него точно не получится. Надо сразу переходить к следующему совету.

Он высмотрел в толпе парня с девушкой, у которых старушка советовала ему учиться. На этот раз они прижимались друг к другу губами, вообще не отрываясь. Это, наверное, какой-то прием для развития дыхания, чтобы потом лучше плавать под водой. Может, ему это и правда пригодится: на охоте иногда приходится скрываться в реке. Он подсел ближе и вытянул шею, но видно было плохо, и он залез на скамейку и встал над ними, стараясь получше разглядеть, как это делается. Но они вдруг оторвались друг от друга и одинаково сердито посмотрели на него, хотя на этот раз он точно ничего плохого не сделал.

– Чего уставился? – проворчал парень. – Интересно?

Генри кивнул.

– Ага. Можете меня научить?

– Тебе что, челюсть жмет? Могу поправить.

Генри моргнул. При чем тут челюсть? Он смутно помнил, что при встрече принято спрашивать друг у друга что-то про здоровье – может, как раз это?

– Нет, не жмет, все в порядке, – дружелюбно ответил он. – А тебе?

Девушка повисла у парня на руке, но смотрела при этом на Генри, да еще так, будто глазами пыталась что-то ему сказать, но он ее не понимал.

– Джереми, уймись, – строго сказала она. – Не надо. Может, он от этого заклятия умом тронулся. А ты иди, зачем его из себя выводил?

Генри захотелось сбежать, но он держался. Ему хотелось срочно научиться общаться с людьми. Сделать так, чтобы они считали его своим.

– Я что-то не то сказал, да? Мне просто велели у вас учиться. Можно, вы еще раз покажете, и мы начнем сначала?

Парень вздохнул так, будто у него в легких бесконечный запас воздуха, и встал, но девушка усадила его обратно.

– Успокойся. Дыши глубже. Он же шутит. Ты же шутишь?

Она посмотрела на Генри так, будто хотела, чтобы он сказал «да», но он помотал головой. И тут его осенило, что им сказать.

– Кстати, это я нашел Сердце. – Он постарался улыбнуться шире. – Давайте я расскажу вам, как было дело, а вы мне расскажете, зачем вы...

– По-твоему, это смешно? – мрачно спросил парень, и Генри понял: опять не сработало.

– Джереми, не надо! Его, может, еще и по голове ударили! – Девушка крепче обхватила парня за плечо, жалостливо глядя на Генри. – И как тебе такая фантазия в голову пришла? Уверена: наследник, когда наконец объявится, окажется красавчиком. Может, даже красивее тебя, мой зайка. – Она засмеялась, прижимаясь к парню головой, и Генри не стал спрашивать, с чего она взяла, что этот здоровяк похож на зайца. – И в шикарной одежде, как Сивард на картинках. И обязательно на коне в золотой сбруе.

– Дуреха ты, разве в коне дело, – продолжая поглядывать на Генри как на врага, буркнул парень. – Главное, чтобы меч у него был. Из старинной стали и в ножнах с разноцветными камнями. И уж точно он не какой-то чумазый простак в лохмотьях, который пристаёт к людям с дурацкими шуточками.

– Но я не шутил, я правда хотел узнать, зачем вы...

Джереми угрожающе поднял палец. Девушка напряглась, будто готовилась совершить мощный бросок ему наперерез.

– Еще одно слово, парень, и ты доиграешься, – проворчал Джереми.

– Но я не играю ни во что!

– Иди отсюда, – хором сказали оба, и Генри понял, что попытка общения с грохотом провалилась.

Он встал и побрел прочь. Краем глаза он увидел, что они привалились друг к другу и что-то обсуждали, переплетя пальцы, и Генри вдруг почувствовал что-то, похожее на зависть, хотя не мог понять почему.

Третьим, что посоветовали ему старички, было найти новых друзей, и он надеялся, что на этот раз все получится. Неподалеку он как раз увидел веселую компанию: два рослых парня, сидя друг напротив друга, сцепились ладонями и, покраснев от усилий, пытались повалить руку противника на стол. Остальные сидели вокруг и подбадривали их криками. Это, наверное, была какая-то игра, и Генри молча подсел к ним. Он уже выучил, что вопрос «Зачем вы это делаете?» лучше держать при себе.

Тут один со стуком уронил руку второго на стол, и все засвистели.

– Да мы еще в неплохой форме, ребята! – крикнул парень, который выиграл. – Домов у нас теперь нет, а я говорю: ну и что! Мы теперь знаем вкус свободы! И что осталось с нами? Наша сила! – Он похлопал себя по мускулам на руке. – Потому что мы кто?

– Мы – общество силачей сожженного Пенгривилла! – хором гаркнули остальные.

– Да! А когда избранный вернется, мы станем кем?

– Его личной охраной!

Генри еле подавил улыбку. Они, наверное, долго учились вот так кричать одновременно.

– Ребята, это наш час! – с жаром продолжал главный. – Когда он объявится, мы выйдем вперед, красивой ровной линией, как тренировались, и скажем что?

– Мы к твоим услугам, наследник! С тобой наша сила и наша доблесть!

– Да! И удар правым кулаком в грудь!

– А зачем его бить? – не выдержал Генри. Ему хотелось разобраться, чего ждать.

– Не его, а себя! – гневно пояснил сосед по скамейке. – Вот так! Это наш жест.

– А зачем он нужен? – спросил Генри и тут же пожалел об этом: все десять парней сердито повернулись к нему.

– Эй, сопляк, ты что тут забыл?

– Я просто вас слушал. По-моему, кулаком себя в грудь не обязательно бить.

– Тебя забыли спросить.

– Да нет, не забыли, вы же вроде и спросили. – Он прокашлялся и громко сказал: – Я и есть тот, кого вы искали. Я наследник Сиварда.

Хохот у них был богатырский, будто бочку катили по камням, но по знаку главного они перестали смеяться так же резко, как начали.

– Да как ты смеешь позорить его великолепное имя своими... жалкими выдумками! – Главный встал, упираясь кулаками в стол. – Избранный будет просто огромный! Силач, каких еще свет не видал!

– В драке легкость и скорость могут быть полезнее, чем вес, – ответил Генри, чувствуя, что голос становится тише с каждым словом. Остальные тоже начали вставать, и он понял, что опять сделал что-то не так.

– Думаешь, ты такой умный?

Генри кивнул. Отец всегда говорил ему, что дурак в северном лесу и дня бы не протянул, а он там всю жизнь провел.

– Ребята, тут кто-то слишком умный! – рявкнул главный. – Давайте-ка разомнемся!

Генри встал, чтобы не смотреть на них снизу вверх. Его сразу окружили, и у него мелькнуло смутное подозрение, что они хотят подраться.

– Ну, сейчас будет весело. – Главный напряг мышцы на руках так, будто это должно было напугать.

И Генри понял: это просто игра. Так детеныши животных дерутся – не всерьез, просто ради веселья. Тут его размышления прервал кулак главного, который летел в его сторону так предсказуемо и неуклюже, что Генри даже с места не пришлось сходить. Он просто отклонился в сторону, и кулак врезался в подбородок парню, который стоял у него за спиной. Тот гневно завопил.

– И правда, весело, – добродушно сказал Генри. Теперь уж точно ясно, что они это не всерьез. Они двигались, как люди, которые понятия не имеют, что такое настоящая драка. – Только вы слишком плотно меня окружили. Вам же самим мало места для маневра, друг по другу попадете. Будет интереснее, если вы отойдете подальше.

– Ты что, будешь нас учить драться?

Вот, разговор начал складываться.

– Конечно, давайте. Я могу, – с готовностью кивнул Генри.

На этот раз ударить его попытался тот, кому досталось в прошлый раз. Генри присел, и удар пришелся по главному.

– Может, попробуете все вместе? – предложил Генри.

Кажется, эта идея всем понравилась: остальные тут же бросились на него. Генри скользил между ними: пригибался, нырял вниз, уклонялся, делал шаг то влево, то вправо. За то время, которое они тратили на то, чтобы сделать угрожающее лицо, сжать кулак, размахнуться и ударить, он успевал заскучать, но когда десять человек делали это разом, было интереснее. Правда, они не воспользовались его советом насчет того, чтобы разойтись подальше, и вместо него все время попадали по своим же приятелям.

В результате пять минут спустя все десять силачей Пенгивилла сидели на земле, держась за носы, подбородки и щеки, а он за все время даже ни разу не вынул руки из карманов.

– Ладно, главное – больше тренироваться, – утешил он. – Хотите, еще раз попробуем?

Все, как по команде, отползли подальше и неуклюже поднялись на ноги, с опаской глядя на него.

– Да он не в себе, братцы, пошли отсюда! – потирая щеку, пробормотал главный.

– Он небось из Барнаби-на-Западе, – прошептал один. – Там, говорят, все чокнутые.

Силачи разом попятились.

– Подождите! – начал Генри. – Вы куда? Мы же только начали!

Ему казалось, в этот раз он отлично справился, но они посмотрели на него одинаково круглыми глазами, а потом бросились бежать, каждую секунду оглядываясь.

– Я думал, мы будем друзьями! – безнадежно крикнул Генри им вслед, но они припустили только быстрее.

Генри обернулся, выискивая, с кем бы еще поговорить, и понял, что все, кто сидел поблизости, подозрительно смотрят на него. Кажется, надо было что-то сказать, и он вспомнил, как с ним здоровался тот парень на скамейке.

– Привет. Вам челюсть не жмет? – Он улыбнулся, но это почему-то не помогло. – Эй, стойте, куда вы? Я же просто...

Но всех вокруг уже как ветром сдуло. И Генри побрел туда, где стояли несколько сдвинутых вместе пустых столов, спрятался за ними и сел на землю, обхватив руками колени. Он просто хотел быть, как все, а он почему-то все равно чужой, зря он вообще с ними заговорил, ничего не получится, и...

Кто-то погладил его по плечу, и Генри подскочил.

– Да, еще многому надо научиться, – вздохнул Пал и еще раз провел своими деревянными пальцами по его плечу. – Этот жест у людей значит утешение и ободрение. Запомни, пригодится.

– Когда пригодится? Они не хотят, и... Они мне даже не верят! Я никогда не смогу стать таким героем, какой им нужен. Никогда.

– Знаешь, чему учат сказки о героях древности?

– Да, вот это сейчас очень вовремя.

Пал вздохнул.

– Неудивительно, что ты не понимаешь ценности сказок. Вряд ли Освальд читал их тебе перед сном.

– Потому что от них толку никакого, и... Что?! Вы все с самого начала знали, что Освальд мой отец?

Скриплер сделал вид, что изучает ножку стола.

– Не могли сразу сказать?

– Всякому знанию свое время.

– То есть сейчас вы знаете еще кучу всего, что могло бы мне помочь, но не говорите, потому что не время?

– А ты начинаешь понимать, как все устроено!

Генри застонал и прижал ладони к лицу.

– Не говорите остальным про отца, ладно?

– Мы умеем держать язык за зубами. В основном потому, что у нас нет языка и зубов. Только дерево. – Он широко открыл рот, и Генри уткнулся лицом в колени.

– Не хочу даже знать. Так чему там учат сказки о героях?

– Тот, кого считают ненужным, может оказаться тем, кто спасет всех. А еще – запомни, пригодится – лучший герой способен сделать героями и других, хотя бы ненадолго. Поверь, скоро у тебя появится шанс доказать, под силу тебе это или... – Скриплер вдруг замер, прислушиваясь к чему-то. – Идет восточный ветер.

– А это тут при чем?

– Это значит, что нам пора.

От неожиданности Генри замер, не зная, что сказать, а Пал порывшись под столом, достал неизвестно откуда большой холщовый мешок и начал торопливо бросать в него пустую посуду со столов.

– Вы что, просто уйдете? Я думал, вы будете нам помогать! Я думал, что вы...

– Мы устроили одно из своих лучших чаепитий, и оно подходит к концу. Ты разбудил Сердце, Генри, а значит, разбудил волшебство. Оно бывает не только добрым. Вон там, на востоке, королевский дворец. – Скриплер ткнул крючковатым пальцем куда-то в темноту. – И ветер идет оттуда, я чувствую. Я ждал этого, просто не так скоро.

Легкий ветерок протащил мимо салфетку, и скриплер проводил ее тоскливым взглядом. Он будто разом сморщился, морщины на коре стали глубже.

– Оно там уже давно. Когда его слишком много, оно приобретает способность перемещаться. Даже бедняга ветер его боится – и дует, куда прикажут. А сейчас оно явилось, чтобы напугать вас.

– «Оно» это что?

– Зло, – замогильным голосом сказал скриплер. – Ты же не думал, что все закончилось?

– Вообще-то думал. Слушайте, это просто нечестно! Вы что, хотите сказать, что спокойная жизнь продолжалась один день и я половину его проспал, а теперь из-за какого-то ветра... Да что за глупости! Освальд просто человек, он не может вызывать ветер! Сердце уже нашли, что теперь может случиться?

Пал прислушался, поводя ветками.

– Мои братья меня зовут. Они напуганы – нас оно ненавидит не меньше, чем людей. Нет времени на объяснения.

– Ну, это, уж конечно, кто сомневался?

Скрипpler развернулся к нему так резко, что едва не ударил мешком с посудой.

– Прими на прощание один мудрый совет, наследник: то, что обитает там, будет становиться только сильнее. Не вздумай отступать – если кому и удастся его одолеть, то только тебе.

– Мне? Да я даже общество силачей Пенгривилла не могу убедить, что я герой!

– Тебе под силу куда больше, чем ты думаешь. – Пал высунулся из-за стола, печально глядя туда, где люди продолжали свои странные прыжки. – И еще одно. Эти люди были ближе всех, когда Сердце засияло в полную силу, а значит, оно щедро их одарило. У них очень сильные дары.

– Да, по ним заметно, – проворчал Генри. День определенно начинался не так, как ему бы хотелось.

– Имей терпение и увидишь, что будет. Но сейчас эти люди уязвимы, ничего не стоит их уничтожить, и поверь, оно попытается так и сделать. Это племя первых мастеров. Они очень важны. Обещай, что сохранишь их.

– Они видеть меня не хотят, а я... – Но Пал посмотрел на него так строго, что Генри проглотил остаток фразы. – Ладно, как скажете. Обещаю, я сохраню их. И выясню, что там во дворце. Не думаю, что это будет сложнее, чем найти Сердце.

– Поздравляю, первая удачная шутка за сегодня. – Пал еще раз тронул его плечо. – А теперь иди, дружок, повеселись хоть немного. Никто не должен во время праздника сидеть один. А мне пора спасать посуду. – И с этими словами он нырнул в щель между двумя столами.

Генри встал. Ему было как-то не по себе, даже звяканье музыкального инструмента, на котором играл вдалеке пожилой мужчина, сейчас казалось тревожным: одинокий пронзительный звук среди бесконечной равнины. И Генри вдруг понял, что не исполнил еще одно напутствие стариков: «Вспомни старых друзей».

За столом, где сидели Олдус, Агата и Сван, ничего не изменилось с тех пор, как Генри был тут последний раз. Эти трое, кажется, были единственными, кто всерьез понял, что к людям вернулись дары, и праздник их уже не интересовал.

Олдусу Прайду, капитану королевских посланников, повезло больше всех: он свой дар обнаружил случайно. Решил написать королю письмо о том, как нашли Сердце, а остановился часов через десять. То есть только сейчас.

– Готово! – Увидев Генри, Олдус торжественно хлопнул о стол такой толстой пачкой листов, что сорока, сидевшая перед ним на столе, вздрогнула и проснулась. Посмотрела на стопку бумаги, гневно заклекотала и улетела. – Эй, куда! – возмутился Олдус, но она уже скрылась из виду. – Скриплеры уверили меня, что она доставит мое послание на королевскую почту в целостности и сохранности, а теперь...

Но тут сорока вернулась, и за ней летели еще шесть. Они уселись на стол и с раздражением посмотрели на Олдуса.

Олдус широко улыбнулся и разделил пачку листов на семь частей, каждую скрутил трубочкой и начал по очереди привязывать к лапам сорок.

– Король просто зачитается! – с сияющим видом сообщил он. Генри кивнул. Он лихорадочно думал о том, зачем пообещал скриплерам спасти непонятно от чего шесть сотен человек. – Это будет сказка нового времени! Вы не представляете, с какими почестями вас встретят во дворце!

Генри прокашлялся, глядя, как сороки с историей его приключений улетают во дворец.

– А этот дворец, ну... жутковатое местечко, да? – на пробу спросил он.

Олдус посмотрел на него так, будто большей глупости никогда не слышал.

– С чего вы взяли? Это самое прекрасное место в королевстве. Уверяю вас: такой роскоши вы в жизни не видели. – Он зевнул и растянулся на скамейке. – Как же спать хочется. Отдохну, пожалуй. Утром проснемся – и сразу во дворец. Увидите, какая там...

И он уснул, не договорив до конца.

– Да, он уснул, в том нет сомнений. Ведь он устал от приключений. – Сван мрачно подпер кулаком голову. – Нет, не получается.

Сван мечтал обрести дар сочинять лучшие в мире стихи и еще вечером объявил, что собирается написать поэму, но, судя по печальному лицу и по вороху исчерканных листов, получалось у него так же, как всегда. А вот у Агаты, кажется, дела шли неплохо. Она с вечера пробовала делать все подряд, чтобы выяснить, к чему дар у нее. Сейчас она пыталась починить сломанную табуретку и как раз приладила ножку. Агата повернулась к Генри с торжествующим возгласом – и тут табуретка с грохотом развалилась.

Агата застонала и приложила лбом об стол. Ждать от нее более подробного выражения чувств было нечего. И Генри внезапно вспомнил: то, из-за чего она онемела, произошло во дворце. Заклятие молчания. И она почему-то не хотела говорить, как именно это случилось.

Все дороги ведут в этот странный дворец.

– Эй, ребята, что-то темнеет, да и ветер поднялся! – крикнул кто-то вдалеке. – Давайте самый последний кружок парданги, и баиньки! А ну-ка, все вместе!

Ему ответил нестройный свист и шум голосов.

– Пойдемте потанцуем, – брякнул Генри.

Агата подняла брови. Неодобрение на ее лице горело, как фонарь в темную ночь.

– Я толстый, мне нельзя, – вздохнул Сван. – Я весь трясусь, когда танцую, и надо мной смеются. А она из королевского дворца. Почти как принцесса, да? Они там так не пляшут.

Ветер подхватил покрытые кляксами листы, лежавшие перед Сваном. Тот тоскливо посмотрел им вслед, но ловить не стал. Генри взял его за руку, а второй сжал ладонь Агаты и потянул их за собой. Он думал, они начнут спорить, но они стиснули его руки только сильнее, и даже через перчатку было странно чувствовать, что кто-то держит его руки и не боится.

На этот раз в длинную линию танцующих встали даже те, кто до этого сидел за столами, и Генри, приказав себе не бояться, шагнул прямо в середину этой линии, утягивая Агату и Свана за собой. Те ловко ухватили за руки соседей, и они поскакали – так же, как все. И Генри понял: это не сложно, когда ты уже вместе с другими, – будто что-то внутри его знало, что надо делать.

И когда все остановились, тяжело дыша, с красными щеками, смеясь и глядя друг на друга, до Генри наконец дошло, зачем люди это делают. Просто потому, что это весело. Он огляделся, высматривая среди столов Пала, – ему хотелось, чтобы тот увидел его успехи. Но ни одного скриплера вокруг не было. Они исчезли, прихватив салфетки, посуду и добрую половину мебели. Генри кольнула тревога. Он понял, что они уйдут, но не думал, что так скоро.

А потом все светляки в воздухе погасли одновременно, и Пропasti накрыла темнота. Темнота – и ветер.

– Что за... – начал кто-то рядом с Генри, но закончить не смог – порыв ветра заставил его замолчать.

И Генри наконец понял, что имел в виду Пал. Это был не просто ветер.

Он нарастал с каждой секундой, тонко звенел – сухой, странный, удушающе-холодный. Подняв голову, Генри понял, что небо, пять минут назад совершенно чистое, затянуло тучами. А на востоке в тучах вспыхивали молнии, что-то грохотало, будто тяжело ворочалось в небе.

Люди вели себя так, будто их никогда не заставляла в горах гроза или снежная буря. Одни сбились вместе, как испуганные животные, другие ловили подхваченные ветром платки и шапки, третьи носились туда-сюда вообще без всякой цели, бессмысленно наталкиваясь друг на друга. Генри вспомнил, что поддержанием порядка в королевстве занимаются посланники, а сейчас бы порядок точно не помешал. Он высмотрел в темноте их зеленые мундиры и понял, что, кажется, многого от них ждать не стоит. Все пятьдесят стражей порядка держались друг за друга, будто опасались, что ветер может разнести их в стороны, и о чем-то спорили. Может быть, пытались понять, куда делся их капитан, когда он так нужен. А капитан был единствен-

ным, кто не обращал на ветер ни малейшего внимания. Олдус спал крепко, как новорожденный детеныш, и только сквозь сон пытался накрыться листом бумаги.

Тут мимо Генри пробежала толстая женщина, прижимая к груди двоих детей. Кажется, она пыталась нагнать шляпу, которая катилась по земле так, будто убегала от хозяйки. Генри схватил ее за локоть.

– Не надо! – крикнул он ей на ухо. Ветер бросал ему в лицо концы ее шарфа, пахнувшего чем-то сладким. – Прячьтесь в рощу, ясно?

Она сердито вырвала руку из его хватки.

– Тебя забыла спросить! Последнего имущества лишают! – зло бросила она и вернулась к погоне за шляпой.

Генри беспомощно завертел головой. Ветер нарастал, тяжелый, злобный, может, днем это не было бы так жутко, но сейчас, в темноте, больше не освещенной светляками, на пустынной равнине, которую все в этом королевстве считали краем света, даже Генри стало не по себе. Рядом с ним Агата сжалась на земле, зажав уши. Вокруг нарастали крики, звуки падающих столов и скамеек, и Генри заставил себя не бояться, отец всегда говорил ему: не паникуй, думай, решение всегда есть.

Он вдохнул глубже, представил, что опасности нет, – и сразу кое-что понял. Кое-что, чего другие явно не понимали: опасности ведь и правда нет.

– Это же просто ветер, он не может вам ничего сделать! Это! Просто! Ветер! – крикнул он с такой силой, что на секунду ему показалось, будто он оглох от собственного крика. А потом сообразил: нет, вокруг наступила тишина. Ветер утих – не исчез, а притаился, будто ждал чего-то, прижавшись к земле, как зверь перед прыжком.

Генри чуть не присвистнул. Пал сказал ему: «Ты можешь больше, чем тебе кажется», но он не думал, что это работает вот так. Он вдохнул глубже, решаясь, и подошел к усатому мужчине, который держал в руке что-то вроде самодельного факела, чудом не погасшего от ветра. Вытащил его из дрожащих пальцев – мужчина выглядел так, будто со страху позабыл, что держит что-то в руке, – и залез на стол: самый большой из всех, тот, что чудом устоял.

– Слушайте меня, – сказал Генри, и все сразу повернулись к нему: к пятну света в блеклой от луны темноте. – Бояться бесполезно, ясно? Если ветер начнет снова, прячьтесь в роще с подветренной стороны. Там деревья толстые, выстоят. Если еще усилится – ложитесь на землю. Не ловите вещи, унесет, и ладно. И держитесь подальше от мебели, может ударить.

На этом он посчитал свою задачу выполненной и собирался уже спрыгнуть со стола. Но тут из толпы раздался дрожащий голос:

– Братцы, парнишка верно говорит. А только я вот чего не понимаю: дела какие-то плохие опять творятся, а избранный так и не объявился. Пора бы уже. Ума не приложу, как он мог нас сначала спасти, а потом бросить.

– Точно! Точно! – закричали в ответ.

Генри вздохнул. Кажется, от ветра у них выдуло из головы остатки сообразительности.

– Если ты ждал подходящего момента, это он, – сказал Сван.

Генри посмотрел вниз: толстяк стоял, крепко вцепившись в стол, и смотрел на него. Агата рядом с ним кивнула. У Генри пересохло во рту. Если они верят в него, и другие поверят.

– Я и есть избранный, – терпеливо сказал он, выше поднимая факел. – Барс выбрал меня. Он дал мне первую подсказку, а волшебник по имени Тис мне помогал. Правда, он погиб. Освальд убил его. Так что на этот раз придется нам обойтись без волшебников.

Над Пропастями воцарилась тишина. Все смотрели на него недоверчиво, будто не могли решить, рассмеяться или прогнать его. На секунду Генри показалось, что сейчас появится Барс и скажет всем: «Он говорит правду, слушайте его!» Но, видимо, такое бывает только в сказках.

– Да какой из него герой? – прокричала какая-то женщина. – Мы что, вот такого триста лет ждали? Этот сопляк просто воспользовался тем, что ветер улегся, и решил нас заморочить! Давайте подождем, вдруг настоящий все-таки придет?

Генри уже открыл рот, чтобы попытаться еще раз, и тут произошло то, чего он боялся больше всего.

– Слушайте, братцы, а ведь я его знаю, – пронзительным от страха голосом крикнул кто-то. – Это же разрушитель! Тот, которого посланники искали! Его портреты по всей нашей деревне висели!

Стало очень тихо, только выл опять поднимающийся ветер. А потом кто-то из посланников взревел:

– Так и знал, что это он! Мы ж его вчера арестовать хотели, а он нам заливал, что не он на портретах был! А мы и поверили – после заклятия мозги у нас в смущении были!

– Теперь-то не уйдешь! – крикнул другой посланник.

У Генри похолодела спина. Он был уверен, что вот это точно осталось в прошлом, – и ошибся. Они вспомнили.

А он вспомнил, что вчера в приступе какого-то безумного вдохновения убедил посланников, что они не его искали. Но это было сразу после того, как он нашел Сердце, и его будто несла какая-то сияющая волна. А сейчас, когда сотни людей угрожающе глядели на него из темноты, он не мог выдать ни слова, будто язык прилип к небу.

Олдус Прайд вчера так увлекся своим сочинением, что просто забыл рассказать хоть кому-то, что Генри им не враг. А теперь Генри видел в их глазах то же, что привык всю жизнь видеть на лицах людей. Как будто не было последних двух недель – все вернулось к тому, что было.

– Ах ты, тварь! За наследника Сиварда решил себя выдать! – рявкнула пожилая женщина рядом с ним. – И как наглости хватило!

Генри сделал шаг назад – и толпа разом сделала шаг вперед.

– А ну держи его, ребята! – крикнул кто-то, и остальные подхватили.

Возмущенные голоса нарастали отовсюду. Генри уже не понимал, ветер это шумит или они, чувствовал только угрозу, ненависть. Для него все всегда кончается одинаково. Посланники уже проталкивались к нему сквозь толпу, но Генри знал: ни до какой Цитадели они его не довезут. Все эти люди сорвут зло и страх на том, кого считают врагом. Они убьют его прямо здесь. Даже если Олдус проснется и что-то скажет, их уже не остановить.

Сван что-то ему кричал, но Генри не мог разобрать слов. Кровь стучала в ушах оглушительно, будто он глубоко под водой, и он просто застыл, стоял и ждал, когда все закончится. У него больше не было сил спастись.

А потом на его плече сжалась чья-то рука, толпа издала невнятный испуганный вопль, и Генри медленным, одеревеневшим движением повернул голову влево.

Рядом с ним стоял отец. Или Освальд, что теперь стало одним и тем же.

Судя по тому, с каким визгом начали разбегаться люди, они тоже узнали этот железный костюм со шлемом.

– Что ты творишь, – тихо сказал отец. – Ты же в любой момент можешь уйти отсюда. Дом Тиса, забыл?

И Генри вспомнил о прощальном подарке волшебника. «Просто представь мой дом – и окажешься там». А отец тем временем заговорил громче – так, чтобы слышали все. Отрывистым, страшным голосом Освальда.

– Я вижу, вы меня узнали. Разрушитель под моей защитой, и сейчас мы с ним...

Договорить он не успел: Генри зажмурился и представил себе облачный дом, ему хотелось оказаться далеко отсюда, далеко от отца, от этих людей. В следующую секунду все вокруг будто подернулось туманом, и он рухнул на пол в прихожей дома Тиса.

Там было оглушительно тихо, алый ларец с Сердцем волшебства заливал комнату мягким, ровным светом, и пару секунд Генри просто дышал, вжавшись щекой в пол. Здесь он в безопасности.

– Уютное местечко, всегда хотел тут побывать, – раздался голос у него над ухом, и Генри похолодел. Отец держал его за плечо, а значит...

Через секунду Генри был уже на ногах, закрывая спиной Сердце, которое он вчера – вот болван! – просто оставил на комод. Но отец даже не встал с пола, только не спеша стянул шлем и положил рядом.

Они не виделись всего день, но он изменился: лицо осунулось, побледнело, под глазами залегли серые тени. Пару секунд отец смотрел на Генри, потом встал и уселся в кресло, обитое цветастой тканью. Скрестил ноги и откинулся головой на спинку – так, будто у них есть все время в мире.

– Я думал, мы больше не увидимся, – выдавил Генри. – Думал, ты...

– Проиграл? Конечно. – Отец пригладил мокрые от пота волосы. Видимо, в железном костюме было довольно жарко. – Но я проиграл только одну партию, а тут как в шахматах: это еще не значит, что ты плохой игрок.

Генри крепче вжался спиной в комод.

– Ты что, думал, я забьюсь куда-нибудь в тихий уголок и там скончаюсь от грусти, что все пошло прахом? – как ни в чем не бывало спросил отец. – Я бессмертный, Генри, ты не забыл? И при этом не люблю терять время – сколько прекрасных качеств в одном человеке! Умение быстро оправиться от поражения я всегда считал одним из самых ценных. – Он вяло, едва заметно улыбнулся. – А сохранить победу иногда важнее, чем победить. Кстати, у вас с этим пока не очень.

Он перевел взгляд за спину Генри, туда, где стояло Сердце. Генри тоже оглянулся, и до него дошло то, что он должен был заметить сразу: вчера, когда он оставил здесь Сердце, оно светилось ярче.

– Ты знаешь, что с ним? – Генри положил ладонь на крышку ящика, под которой все так же ровно, успокаивающе билось Сердце.

Было безумием вести этот разговор с тем, кто превратил его жизнь в кошмар, надо было сразу броситься на него, драться, делать хоть что-то, но Генри едва заставлял себя даже говорить. Он слишком устал.

– Конечно, знаю, – бросил отец. – Но ты же не думаешь, что скажу? Ты зажег Сердце снова, но это ненадолго. Каждой вещью надо уметь пользоваться. И будь уверен, на этот раз оно погаснет не от моих злодейских планов, а из-за глупости людей. Так что не жмись к комоду с таким суровым лицом, я ничего не сделаю. Будем считать, что пляски вокруг этого ящика остались в прошлой шахматной партии, а теперь мы начали новую.

Отец побарабанил пальцами в железной перчатке по подлокотнику, и Генри вдруг понял, почему две недели не узнавал его в Освальде. Не только из-за того, что доспехи меняли голос, – в них он даже слова произносил по-другому. Коротко, зло, отрывисто. А сейчас отец говорил как тот человек, которого Генри знал всю жизнь, и вот это было действительно невыносимо.

– Выглядишь ужасно, – уронил он, надеясь, что этот хриплый выдох сойдет за голос уверенного в себе взрослого человека.

– Надо же. Я не учил тебя говорить комплименты, а ты это уже освоил. – Отец криво улыбнулся и отпихнул ногой одну из кошек Тиса, которая подошла к нему. – А ты выглядишь живым, и это большое улучшение по сравнению с нашей прошлой встречей.

Остальные пять кошек тоже вышли в прихожую и уселись в линию, глядя на Освальда ничего не выражающим взглядом. Даже если они понимали, что он убил их хозяина и обманом проник в этот дом, по ним это было незаметно.

– Где Хью? – выдавил Генри, и все шесть кошек одновременно повернули головы к нему.

– Больше тебя ничего не волнует? – пробормотал отец, закрывая глаза. Он как будто и мысли не допускал, что Генри может на него броситься, что после вчерашнего было даже странно. – С ним все прекрасно, он мне еще пригодится. Ты бы о себе лучше волновался. Так рвался общаться с людьми – и такой бесславный финал. Если б не я, они бы тебя на куски разорвали.

– Откуда ты там взялся? – Генри прокашлялся, пытаясь сделать так, чтобы его голос звучал угрожающе. – Эти доспехи любой бы узнал, но никто тебя не видел. А значит, ты оказался возле стола, на котором я стоял, сразу перед тем, как залезть туда. И тогда, на ярмарке: ты появился на площади, а когда я вернулся домой, ты уже тоже был дома. И все эти годы ты как-то проворачивал свои дела, заманивал людей в башню и все такое. Но в то же самое время был со мной, в лесу. Как такое возможно?

– Темные дела вершатся ночью, когда хорошие детки спят. – Отец вдруг улыбнулся так, будто доволен его сообразительностью.

На секунду Генри почувствовал знакомую гордость, но тут же попытался ее задавить.

– Как ты можешь перемещаться так быстро? – повторил он. – Ты же не волшебник.

– А ты подумай. Ответ очевиден, но после вчерашнего голова тебя все-таки подводит.

– Какой-то волшебный предмет?

Отец неопределенно покачал головой. Он всегда так делал, когда Генри говорил что-то глупое, и Генри разозлился: и на него, и на себя. Отец оказался главным злодеем в королевстве, а говорил с ним так, будто ничего не случилось.

– Что тебе от меня надо? – резко спросил он, по-прежнему не сходя с места.

– О, я всего лишь спас тебя от смерти, не стоит благодарности. А теперь собираюсь спасти еще раз.

– Забавно это слышать от того, кто две недели пытался меня убить.

– Ни разу. Если вспомнишь все свои приключения, у человека в железных доспехах были десятки возможностей убить тебя, и он ни разу ими не воспользовался. Маленькие, чуть смертельные опасности не в счет. Я знал, что это тебя не убьет. Дар тебя защищал, и еще – ты мой сын, и я сам тебя обучил. – В его голосе проскользнула такая гордость, что у Генри сжалось сердце. – Но сейчас твой дар ослабел, и на этот раз он тебя не защитит.

– От чего?

– Ты вчера вернул людям дары, а значит, и мне тоже. И теперь я снова вижу будущее. Я пришел сказать тебе: не ходи во дворец.

Опять этот дворец.

– С чего ты взял, что я вообще туда собирался? – пробормотал Генри.

Олдус Прайд предлагал ему отнести Сердце во дворец, король скриплеров велел идти туда же, но отец не мог этого знать.

– Будущее создается решениями. – Отец пожал плечами, будто это очевидно. – Ты принял решение пойти во дворец, и я увидел, что будет. Хочешь предсказание?

– Нет.

– У меня их для тебя даже три, – ровным, ничего не выражающим голосом произнес отец. – Если пойдешь во дворец, Сердце, с которым ты так носишься, снова будет потеряно. Тебя посадят в клетку, как зверя. А потом ты умрешь от руки человека, которому доверял.

– С чего мне тебе верить?

С того, что мне выгодно, чтобы во дворец ты все-таки пошел. В моем видении было кое-что, для меня очень приятное, но я не желаю тебе смерти. Едва уговорил одного своего друга помочь мне тебя предупредить. Дать тебе хотя бы шанс. Уж поверь, уговорить было непросто. – Отец выпрямился и посмотрел на него таким тяжелым взглядом, что до Генри вдруг дошло: он говорит правду. – У меня этот проклятый дар был с семи лет. Я знаю о нем все. И видит

Барс, если твоя нога переступит порог дворца, что бы ты ни делал потом, все придет к одному. К твоей скорой смерти.

Генри молчал. Это все было как-то слишком для одного дня.

– Поэтому вот что я тебе предлагаю. – Не дождавшись ответа, отец заговорил снова. – Отсюда ты вернешься в наш старый дом в горах и будешь сидеть очень тихо. У меня есть одно дело, но, когда с ним будет покончено, я заберу тебя. И поверь, я дам тебе все, что ты хочешь. Никто больше не посмеет тебя тронуть. Ты ведь мечтаешь быть среди людей в безопасности.

– Откуда ты знаешь?

– Тебе только исполнилось шестнадцать, а мне триста сорок лет. Это называется жизненный опыт.

Генри коротко улыбнулся, и ничего веселого в этой улыбке не было.

– И я даже без него знаю: ты мечтал стать королем. Твое дело, случайно, не включает эту деталь? – негромко спросил он.

Отец изменился в лице, чуть заметно, но достаточно, чтобы Генри понял: угадал.

– Я уверен, нет никакого предсказания, – отрезал Генри, и на этот раз голос ему не изменил. – Ты ничего не видел, просто опять пытаешься меня использовать. И я...

Освальд поднялся, и Генри невольно опять вжался спиной в комод.

– Ты – что? Пойдешь во дворец? Опять попытаешься доказать людям, какой ты хороший? – Отец остановился посреди прихожей. – Может, хватит наступать на те же грабли? Ты никогда не станешь их героем. Они все читали сказку о разрушителе. Можешь им хоть луну с неба достать – но ты всегда будешь для них чудовищем. И куда бы ты ни пошел, что бы ни делал, все начнется снова. Так, как сегодня.

– И поэтому ты решил убедить тех людей, что мы с тобой заодно? – разозлился Генри. – Не делай вид, что мы друзья. Я тебя ненавижу, – последнее вырвалось у него так неожиданно, что он испуганно закрыл рот, а отец вдруг тихо рассмеялся.

– Ой, ну хватит. Конечно нет. Как будто я не знаю твое нежное, чувствительное сердце, которое готово привязаться к любому волчонку или птенчику. – Отец шагнул к нему. – И больше всего тебя злит то, что я все еще твой отец, и ничто этого не изменит. А знаешь, что больше всего злит меня?

Еще один шаг в его сторону. Теперь их отделяло друг от друга меньше метра.

– То, что я тоже люблю тебя всем своим черным сердцем. – Отец криво усмехнулся и сделал еще один шаг. – И я не хочу тебе смерти. Но кое-кто другой хочет ее больше всего на свете.

Последний шаг – теперь они стояли вплотную, и отец прибавил негромко, на ухо, будто кто-то еще мог услышать:

– Мое предсказание – чистая правда, и в нем не я тебя убиваю. Не ходи во дворец, послушай доброго совета.

– Ты знаешь, что это был за ветер? – тихо спросил Генри, глядя прямо перед собой, в блестящие доспехи на плече отца, в искаженное отражение собственного лица.

– Конечно.

– И знаешь, что за опасность там, во дворце?

– Знаю.

– Но мне не скажешь.

– Естественно. Все это тебя не касается. – Отец вдруг накрыл рукой что-то, висевшее у него на шее, Генри не успел разглядеть что.

– Я обещал скриплеру защитить тех людей, – пробормотал Генри, сам не зная зачем, и отец рассмеялся.

– О, это так в духе волшебных существ – брать с людей невыполнимые обещания. Вот кому здесь надо спасаться. – Отец взял Генри за подбородок, и тот не попытался вырваться. –

Просто сделай, как я говорю. Нам с тобой незачем ссориться. Знаешь почему? Я могу сказать тебе и без всяких предсказаний: какое бы будущее ни наступило, я всегда буду рядом, всегда за твоим плечом. От этого ты никуда не сбежишь. Всегда будем ты и я. – Он вдруг прикоснулся губами к его лбу, и Генри вздрогнул.

А потом отец шагнул назад, подобрал шлем и вышел, закрыв за собой дверь. От неожиданности Генри не сразу сообразил, что дверь была не входная. Он запоздало рванул ее на себя – за ней оказалась гостиная.

Он осмотрел все углы – но она была совершенно, абсолютно пуста.

Генри рухнул на диван и какое-то время лежал, глядя в стену. Кошки запрыгнули вслед за ним, терлись о ноги, пытались устроиться под его рукой, и Генри вдруг почувствовал себя очень старым. От радости вчерашнего дня ничего не осталось.

Вокруг светлело. Время здесь будто шло быстрее, приближался рассвет. Может, остаться здесь навсегда? Наверняка тут есть какие-то запасы. Он ведь даже не проверил, что, собственно, есть в доме. И чтобы ни о чем не думать, он тяжело поднялся с дивана и приступил к исследованиям.

Получив в наследство дом волшебника, смутно надеешься найти в ящиках много чего интересного, вроде непобедимого оружия или, скажем, бесконечных запасов еды, но ящики были совершенно пусты – ничего, кроме кошачьего печенья. Генри попробовал одно и выплюнул – мерзкое на вкус, – но кошки тут же принялись за него, когда Генри высыпал остатки на пол.

Генри пришлось довольствоваться единственной находкой: на кресле в спальне он обнаружил длинную бледно-серую одежду с капюшоном, которую Сван называл халатом. Генри взял ее в руки. Тис обещал быть его наставником, обещал всегда помогать ему, а теперь он умер, и надеяться не на кого. Лучше всего сделать так, как велел отец. Отсидеться. Спасти свою жизнь. Отец прав: людям он больше не нужен. Генри еще раз посмотрел на халат в своих руках, а потом в странном порыве надел его. Тот оказался на удивление удобным, и пахло от него печеньем и чем-то уютным, как будто Тис все еще рядом.

– Давай не будь трусом, – пробормотал Генри себе под нос, представляя, что это старик говорит ему. – Сам знаешь, что надо сделать.

Отец думал, что он либо послушается его, либо назло ему пойдет во дворец, но ведь есть еще и третий вариант. Генри упал в кресло, сунув руки в огромные карманы, и понял, что они не пусты.

В одном оказался полосатый шарф и мятая, потертая тряпка, которая при ближайшем рассмотрении оказалась холщовой сумкой. Во втором была маленькая книжка в потрепанной черной обложке. Генри пролистал ее и разочарованно понял, что это просто сказки с картинками. Он без интереса сунул книгу обратно в карман – еще парочка историй о волшебстве, которые сейчас ничем не помогут.

А потом он еще раз посмотрел на шарф и сумку и внезапно понял странную вещь. Старик оставил ему ровно то, что нужно.

Генри медленно намотал шарф так, чтобы он закрывал половину лица, до глаз. Сильнее затянул пояс халата, надел капюшон и вышел в прихожую. Попробовал положить ларец с Сердцем в сумку – и даже не удивился, когда она подошла ровно по размеру.

Тис верил в него. Сван с Агатой верили в него. Он должен попытаться – хотя бы еще один раз. Потому что, если Сердце погаснет, значит, все было зря. Он перекинул сумку через плечо, открыл входную дверь и поглядел на плотную облачную пелену внизу, подсвеченную рыжим светом раннего дня.

Услышав низкий мяукающий звук, он обернулся. Кошки, все шесть, сели в ряд, одинаково глядя на него – так, будто ждали объяснений его ухода, и Генри, чувствуя себя ужасно глупо, спросил:

– Вы что, хотите со мной?

Они, конечно, не ответили, – как можно ждать от зверей чего-то другого? Тогда он сам поднял одну, шагнул к двери, но кошка зашипела, вывернулась и спрыгнула на пол. Не хотят.

И он махнул им рукой на прощание. Медленно выдохнул, решаясь, а потом закрыл глаза и шагнул вперед.

Глава 2

Принц на черном коне

Вернуться туда же, откуда сбежал, было безумием, но именно это Генри и сделал. Вот только когда туман вокруг рассеялся, он с трудом узнал место, где хотел оказаться. А точнее, то, что от него осталось.

Было уже светло – серое, пасмурное утро, – и одно стало ясно сразу: ветер побывал тут снова. Половина деревьев в эвкалиптовой роще были переломаны и лежали друг на друге, другие еще стояли, но с обвисшими, растрепанными листьями. А люди... Они не ушли на поиски более гостеприимного местечка, как предполагал Генри, – нет, все они были еще здесь и даже не обратили внимания, что кто-то появился из воздуха. Они были слишком заняты тем, что, кажется, пытались убить друг друга.

От неожиданности Генри даже не сразу понял, что происходит: сцепившись по двое, по трое, а иногда и целыми группами, люди пытались что-то вытащить друг у друга из рук и карманов.

– Отдай! – хрипел толстый мужчина, неуклюже пытаясь врезать второму ногой по колену.

– Моя! Не отдам! – Его соперник оказался половчее и, ударив толстяка локтем в живот, вывернулся и сбежал, но на него тут же налетел кто-то еще.

Листья мертвых деревьев пахла одуряюще, сонно – этот нежный печальный запах будто пытался всех успокоить, но куда там. Женщины с детьми, старики и уж совсем немощные, хоть и прятались в остатках эвкалиптовой рощи, но посматривали друг на друга так, что Генри сразу понял: они были бы не прочь присоединиться к битве.

– Говорите, у вас ее нет? – натянуто спросила одна женщина у другой.

– Нет. А у вас?

Они окинули друг друга тяжелыми, подозрительными взглядами, крепче прижав к себе младенцев.

– Я уверена, мой Джонни что-нибудь достанет. У нас ребенок, нам она больше нужна.

Тут Генри заметил неподалеку кудрявый затылок Олдуса Прайда, а рядом с ним – встрепанную темную косу Агаты и вихры Свана. Как будто дверь дома Тиса нарочно вывела Генри поближе к друзьям. И он, бесшумно перемахнув через поваленное дерево, приземлился рядом с ними. Все трое подскочили.

– Это я. – Генри стянул с лица шарф.

Он думал, что страх на их лицах сразу исчезнет. Но тот не исчез.

– Почему Освальд тебя спас? – тихо спросил Сван. – Он же плохой. Он наш враг, и...

– Генри, куда вы пропали? – перебил Олдус. – И поверьте, я никогда еще не задавал этот вопрос в таком буквальном смысле.

А Агата подняла записку, которую, видимо, заготовила к его возвращению:

«Ты что-то скрываешь от нас. Что-то важное».

И Генри понял, чего добивался отец своим впечатляющим появлением: теперь ему не верили даже друзья. А если он скажет: «Освальд – мой отец», они уж точно разочаруются в нем. И он промолчал. Надо было, наверное, что-то соврать, но он не умел. Все трое еще минуту подозрительно смотрели на него, а потом неуверенно улыбнулись. Так, будто изо всех сил пытались поверить в него снова.

– Ладно, – бросил Олдус. – Как видите, у нас тут есть и другие неприятности.

– Чья работа? – Генри кивнул на синяк у него под глазом.

– Моих же посланников. – Олдус выдавил смешок. – До них наконец дошло, что я вам все это время помогал. Они до сих пор думают, что вы – наш враг, а избранный где-то бродит. Я пытался им объяснить, но... – Он коснулся синяка.

Неподалеку раздался звук удара в сопровождении невероятно цветистой ругани, и Генри осторожно выглянул из укрытия. От взаимного уничтожения людей спасало только то, что они действительно не умели драться и в основном просто возили друг друга по земле.

– Ветер был страшный. Глупо звучит, но он будто злился. – Олдуса передернуло от воспоминаний. – Поломал деревья, унес всю мебель, все остатки еды, а потом исчез в одну секунду, и тучи тоже. Сами понимаете, как все перепугались. А дальше... – Он помолчал. – Помните, вначале Освальд раздавал монеты за то, чтобы люди выпили его подчиняющее зелье? А потом уже заманивать не надо было: люди так боялись смерти, что сразу соглашались. В общем, тут кто-то вспомнил, что у него есть монета, и все кинулись проверять карманы. Понимаете, нам всем с детства твердили, что каждый сам за себя. Я предложил им собрать все монеты и на них всем вместе начать новую жизнь.

– Кажется, им эта идея не понравилась. – Генри поморщился: рядом раздался такой звук, будто кем-то пытались проломить ствол дерева.

– Мягко сказано. Они мне чуть второй глаз не подбили.

И Генри наконец понял, что случилось. Люди вспомнили, что у половины из них есть старинная золотая монета, а у второй половины нет ничего. Это как голодным волкам сказать, что неподалеку есть свежая туша оленя, которую охраняют другие волки. Нельзя винить волков за то, что они попытаются отнять добычу у более везучих.

– Выберемся, бывало хуже, – пробормотал Олдус, провожая взглядом пролетевший мимо ботинок. – Мы как раз разрабатывали план, как невинными добраться до дворца. Тогда мое доброе имя будет восстановлено – король-то уже знает правду. Предлагаю не ждать, когда все успокоятся, а выдвинуться прямо сейчас. Вон с той стороны потише, туда и отступаем, давайте на счет три. Раз...

– Я попробую их разнять. Хоть кого-то. Просто вырублю, и пусть пока отдыхают. – Генри попытался вылезти из укрытия, но все трое схватили его за одежду.

– Стойте! Не хотел этого говорить, но если вас узнают... Мы вас не сможем спасти, – затараторил Олдус. – Пусть сами разбираются, не можем мы с ними всю жизнь нянчиться. Надо уходить. Скоро нас тут найдут, и тогда...

– Подождите. Еще минуту. Я что-нибудь придумаю, – пробормотал Генри, лихорадочно соображая, как можно разом утихомирить шестьсот человек. По всему выходило, что никак, и все четверо это понимали, но он все равно повторял: – Сейчас, подождите хоть немного.

Но в голове было пусто, и даже в самые тяжелые дни он не чувствовал себя таким беспомощным.

– Помочь нам может только чудо. Вот только ждать его откуда? – мрачно подвел итоги Сван, и Генри еще никогда не был так с ним согласен.

А потом чудо взяло и произошло.

Луч солнца прорвался сквозь тучи, залил рошу, и под этим слепящим светом вдруг раздался голос, такой звучный и громкий, что сразу разнесся по всей равнине:

– Остановитесь! Что вы творите, народ волшебного королевства?

От неожиданности все замерли, не донеся кулаки до лиц противников, и вытянули шеи, пытаясь разглядеть, кто заговорил с ними. Генри тоже посмотрел – и выдохнул сквозь сжатые зубы. Кто бы это ни был, он не хуже Освальда владел наукой «Как появиться так, чтобы у всех вокруг отвисла челюсть».

Посреди Пропастей застыл всадник на огромном черном коне, и Генри подумал: «Серьезно, он что, нарочно ждал, когда выйдет солнце?» Теперь оно блестело на его одежде, на волосах, даже на сапогах – будто он весь сиял. Над Пропастями повисла такая тишина, что

Генри слышал, как перебираются с поломанных деревьев на здоровые мелкие животные, что жили в роще. А потом по толпе прошел вздох облегчения, и кто-то вдруг опустился на колени, прижался головой к земле. Остальные один за другим сделали то же самое – кроме Генри, который понятия не имел, зачем это нужно.

А всадник заговорил снова, и голос его волной накрыл всех вокруг:

– Встаньте, подданные. Я знаю, вам пришлось нелегко, но я во всем разберусь и позабочусь о вас. Ибо я – ваш будущий король и наследник трона.

Неподалеку от Генри женщина со стуком выпустила ветку дерева, которой оборонялась, и прижала руки к груди.

– Какой же он красивый! – выдохнула она, неуклюже поднимаясь с земли. – Так и думала!

Мужчина, у которого она минуту назад пыталась отнять монету, всхлипнул.

– Дождались! – простонал он, шумно вытирая нос рукавом и крепко держась за нагрудный карман. – Нашелся!

– Настоящий принц! С ума сойти! – ахнул Сван. – Никто у нас в деревне бы не поверил!

Принц подождал, пока все немного успокоится, и двинулся вперед, в сторону рощи. Люди обступали его, несмело протягивали руки и прикасались к его ноге, стремяни, боку лошади. Они почему-то не смотрели на этого человека прямо, будто чуть сгибались, чтобы взглянуть исподлобья, хотя зачем – Генри не понял.

– Мамочка моя. Я знал, что у короля есть сын, но никогда его не видел, – заворуженно протянул Олдус. – Он же просто... Как Великий Сивард на картинках. Повезет же нам со следующим королем. – Он вдруг споткнулся на полуслове, побагровел и втянул голову в плечи. – Сделайте вид, что последнюю фразу не слышали.

Теперь, когда принц подъехал ближе, Генри наконец его разглядел. Он был старше его самого всего на пару лет, но выглядел таким... «взрослым», подумал Генри. Сильным. Чисто одетым. На нем было что-то вроде мундира посланников, только с золотым позументом везде, где только можно. На поясе в блестящих ножнах с яркими камнями – Генри и не знал, что бывают такие яркие, – висел меч. Даже волосы у принца были невиданные – по цвету как песок, они сияли под солнцем и закрывали ему шею такой аккуратной золотой волной, что Генри невольно пощупал свои торчащие во все стороны спутанные патлы. Как он их так причесывает? Уму непостижимо. И Генри вдруг отпустило. Наконец хоть кто-то, кроме него, решит все проблемы.

Тут сквозь толпу нетвердо протолкнулся десяток парней, и Генри с трудом узнал в них общество силачей Пенгивилла: очевидно, им пришлось пережить суровую битву за монеты, хотя пытались они защитить свое добро или отнять чужое, было непонятно.

Они ударили себя кулаками в грудь и нестройным хором сказали:

– Приветствуем тебя! С тобой наша сила и наша доблесть!

Если бы Генри вот так поприветствовали, он был бы просто счастлив, но принц только кивнул: едва заметно, будто привык к такому.

– Приветствую и вас, народ сожженных деревень. Отдельно приветствую старейшин. – Принц слегка поклонился туда, где со счастливым видом сбились уже знакомые Генри старики. – Рад видеть вас всех в добром здравии.

– Смешно разговаривает, – беззлобно фыркнул Генри.

Ему нравился этот парень. Он выглядел как человек, которому можно доверять.

– Говорит, как юноша из хорошей семьи, – объяснил Олдус.

Генри хотел спросить, бывают ли плохие семьи, но Олдус уже начал выбираться из-за поваленного дерева.

Из другого укрытия тем временем с пристыженным видом вылезли посланники в разорванных мундирах; видимо, скрывались от тех, кто хотел проверить, нет ли у них монет. Они одновременно начали что-то говорить, но принц поднял руку, и они тут же замолчали.

– Я вижу, господа, вы под воздействием своих приключений позабыли устав. Докладывать должен ваш капитан. Где же он?

– Здесь! – завопил Олдус и, спотыкаясь о ветки, помчался к ним. Потом остановился, прокашлялся и совсем другим голосом сказал: – Прошу простить за весь этот беспорядок, ваше высочество. Причиной ему были суровые события.

Олдус опустился на одно колено, принц протянул ему свою руку в перчатке, и Олдус коротко тронул ее губами.

– Прощаю вас. Встаньте, господин Прайд. Мы не знакомы лично, но я слышал о вас много хорошего. Пойдемте, вы обо всем мне доложите в более спокойной обстановке. – Принц заговорил громче: – А вы, господа, подождите немного и не вздумайте драться. Помните: посланники все еще на страже закона и порядка.

Меньше всего ободранная компания посланников напоминала сейчас стражей порядка, но люди с готовностью поклонились и разошлись. По настороженным взглядам, которые они бросали друг на друга, сразу было ясно, что про монеты они не забыли и готовы продолжить, если придется, но угрожающие лица они теперь делали как-то вполсилы. Генри чувствовал их радость так же, как раньше чувствовал их гнев, – она захлестнула даже его. Зря все его пугали этим дворцом – парень приехал оттуда, а злым вовсе не выглядел. Может, все не так плохо. Да и Генри теперь свободен от своего обещания, люди-то уже в безопасности. И Сердце волшебства он может теперь отдать принцу, тот отвезет его во дворец, а там наверняка придумают, как сделать так, чтобы оно перестало гаснуть. А сам он не пойдет ни во дворец, ни к отцу. Начнет все сначала – где-нибудь далеко отсюда.

Тучи на небе расплзались, будто солнце расталкивало их к краям неба, люди расселись на земле, подставив лица свету, – так мирно, будто это не они только что колотили друг друга. Принц неспешно ехал вглубь рощи, Олдус брел за ним, и Генри пришла в голову мысль.

– Ждите здесь. Пойду послушаю, – бросил он Агате и Свану. О них принц тоже позаботится: отыщет непутевого Хью, поймет, что случилось с Агатой. – Я скоро.

– Меня мама учила, что подслушивать неприлично! – выпалил Сван.

Генри только рукой махнул. Значения слова «прилично» он не понимал. Ему нужно было убедиться, что теперь все точно в порядке, – и он бесшумно двинулся вдогонку.

Олдус и принц остановились на поляне, окруженной крепкими, выстоявшими в бурю деревьями. Генри спрятался в пяти шагах от них, прислушиваясь.

– Как же хорошо, что вы приехали! Подумать только, сороки правда доставили письмо в срок! – взбудораженно начал Олдус. – Вы не представляете, что мы тут пережили! Хотя нет, что это я, конечно, представляете, вы же все уже прочли!

– Какое письмо? – нахмурился принц.

Генри думал, он хоть сейчас слезет с коня – неудобно же разговаривать с человеком, нависая над ним сверху, особенно когда ты такой высоченный, – но он не слез.

– Я описал все, что произошло, вашему отцу. А разве не он вас прислал?

Принц будто не слышал. Он замер, глядя в одну точку, будто лихорадочно пытался найти какое-то решение, и Генри одобрительно улыбнулся. Кажется, этот парень всерьез озабочен тем, как вытащить их из той ямы, в которой они оказались.

А Олдус, не дождавшись ответа, заговорил снова:

– Если ваше высочество соблаговолит выслушать мое мнение, я предлагаю вам для начала познакомиться с наследником Сиварда. Уверен, вы друг другу понравитесь – два юных героя на страже королевства, прекрасные лица новой эпохи! – Олдус смотрел на принца, запрокинув голову, но при этом все равно ухитрялся держать взгляд опущенным. – Но до того, как мы все отправимся во дворец, надо что-то решить насчет этих людей. Положение трудное, но я уверен, ваше высочество что-нибудь придумает, и...

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, капитан Прайд, – перебил принц. – Барс по какой-то причине избрал того, о ком все говорят. Разрушителя. Говорят, на вид он ужасен и исчез с Освальдом в языках пламени, хохоча и дыша огнем.

– Это большое преувеличение и не вполне правда, – прошелестел Олдус.

Генри не понимал, почему он так робеет перед этим парнем. Олдус ведь старше его лет на десять.

– И при этом вы, капитан посланников, на его стороне. Не находите это странным?

– Нет, ваше высочество. – Олдус прокашлялся, будто ему не хватало голоса, чтобы закончить фразу. – Как только вы его увидите, вы сразу все поймете. Юноша благороден, добр, у него золотое сердце. Да, злосчастный дар у него тоже есть, но я понимаю, почему Барс выбрал его. Не знаю, кто еще был бы способен на такое.

– То есть вы считаете, я был бы не способен? – задумчиво протянул принц.

– Нет, я не это имел в виду! – Олдус почему-то испугался и согнулся еще больше. – Нет, ваше высочество, конечно...

Принц спрыгнул с лошади – таким легким движением, что Генри даже позавидовал.

– А теперь послушайте меня, – негромко сказал он. – Меня не волнует, какое там сердце у этого выродка. Единственное сердце, которое меня интересует, это Сердце волшебства. Оно у него, верно? И вы мне поможет его получить.

Генри крепче прижался щекой к дереву. Разговор принимал какое-то нехорошее направление.

– Вы все не так поняли, если бы вы просто выслушали... – опять начал Олдус, но так тихо, что Генри и сам едва разобрал слова.

А принц вдруг засмеялся – сухим, неприятным смехом, и у Генри упало сердце. Он вдруг совершенно ясно понял: этот человек им не поможет.

– Вы забываетесь, капитан Прайд. Я вас позвал сюда не для того, чтобы выслушивать чушь про чудовище, которое вдруг оказалось героем. Так не бывает. – Принц коротко облизнул губы. – А теперь будьте добры, приведите его сюда.

– Зачем? – уронил Олдус, будто разом забыв все вежливые слова.

Принц окатил его таким взглядом, что Генри сжался. Он даже не представлял, насколько злость может изуродовать такое красивое лицо.

– Затем, что я хочу убить его, – отрезал принц. Олдус наконец-то посмотрел ему в глаза, и по его дернувшемуся рту Генри сразу понял: ему не понравилось то, что он увидел. – Сделать то, чего все от меня ждут. Я понимаю, что силой его не выманить, но хитростью... Соврите ему что угодно, но чтобы через пять минут он и Сердце волшебства были здесь. По глазам вижу, вы знаете, где он. А когда я с ним расправлюсь, вы, я и посланники поедem во дворец и отвезем Сердце моему отцу.

– А люди? – еле слышно спросил Олдус.

– Перед отъездом я им скажу, что помощь уже в пути.

– Но никакой помощи не будет, верно?

– Ну конечно нет! Вы что, ребенок? – Принц поморщился. – Пусть делают что хотят. Таких грязных крестьян у нас в королевстве тысячи, мне что, за каждого переживать?

– Но ваше высочество! Они же перебыют друг друга!

– Значит, у нас будет одной проблемой меньше, разве нет? А теперь ведите сюда этого нелюдя. – Принц нетерпеливо махнул рукой. – И если не исполните мое повеление, пеняйте на себя. В моей власти сделать так, чтобы вы потеряли свою должность или даже отправились в Цитадель. А у вас ведь семья.

– Король все знает. Знает, что Генри для нас сделал. Он прочтет мое письмо и...

– Письмо? Вы выдумали все, что там написали, капитан. Посланники подтвердят, что вы, кажется, тронулись умом. Они теперь против вас, не забыли? На вашей стороне никого нет.

Олдус вскинул голову.

– Есть. Агата вам подтвердит, что Генри – не чудовище.

– Агата? – На лице принца проступило растерянное, почти детское выражение. – Агата Джонсон? Дочь покойного хранителя казны? Она жива?

– Да, ваше высочество. – Голос у Олдуса окреп. – Она помогала избранному и расскажет вам, что... Правда, она не может говорить, мы не знаем почему. Но она доступными ей средствами объяснит...

– Она девчонка, – фыркнул принц. – Кто вообще слушает женщин? Тем более немых.

– Постойте! Есть еще юноша по имени Сван. Сын старейшины одной северной деревни. Он, правда, не слишком сообразительный, но он вам объяснит, что Генри...

– И это все? Вы, беглянка и какой-то деревенский олух? Я смотрю, ваш нелюдь набрал себе отличных помощников. Можете идти.

Олдус опустил голову, но не сдвинулся с места, и принц уже открыл рот, чтобы повторить приказ, но вдруг насторожился.

– Он здесь, верно? – протянул он. – Слушает нас.

– Нет, ваше высочество, он не...

Но принц про него будто забыл. Он положил ладонь на рукоять меча, оглядываясь, как охотник, который вышел на след дичи.

– А ну выходи! Я знаю: ты здесь! – Принц вглядывался в лес, но взгляд его скользил мимо места, где лежал Генри: уж что-что, а прятаться тот умел. – Сразимся по-честному, чудовище. Или боишься? Ну, трусливый зверь, выходи! Давай разберемся, кто тут герой.

Генри даже не двинулся – на глупые подначки он не велся. Если бы на месте принца был отец, он приставил бы меч к горлу Олдуса Прайда, и Генри сразу вышел бы и сделал все, что ему скажут. Но принцу это даже в голову не пришло, и Генри холодно подумал: «Не такой уж ты страшный, каким хочешь казаться».

Принц еще с минуту оглядывался, а потом выдохнул и разжал руку на мече.

– Приведите его. В глубине души вы и сами понимаете, что нельзя доверять тому, кто родился ущербным. Вы хоть немного, но боитесь его. И поэтому сделаете то, что я вам сказал. Верно? – Он улыбнулся, и Генри мучительно захотелось врезать кулаком по этому самодовольному лицу.

Олдуса, возможно, такое желание тоже посетило. Еще минуту он смотрел на принца в упор, а потом опустил голову.

– Слушаюсь, ваше высочество, – тихо сказал он.

Принц вытянул вперед руку, и Олдус, опустившись на колени, приложился к ней губами. А потом встал и побрел прочь, сгорбившись, будто собственный позвоночник весил теперь в три раза больше.

Генри двинулся следом. Подождал, пока Олдус, вяло раздвигая перед собой ветки, отойдет подальше, и вырос прямо перед ним. Минуту они стояли, глядя друг на друга, и у Олдуса был такой затравленный, обреченный вид, будто он думал, что Генри сейчас на него бросится.

– Вы слышали, – наконец сказал он, и это был не вопрос.

– Ну так исполняйте. Ведите меня к нему, пусть отхватит мне башку своим мечом. – Генри не собирался злиться, но все равно разозлился.

– Такого вы обо мне мнения? – Олдус бледно усмехнулся и шагнул ближе. – Генри, слушайте меня внимательно. – Он оглянулся. За деревьями вдалеке виднелся ярко-зеленый мундир. Принц ждал. – Это ведь Сердце волшебства у вас в сумке? Не представляю, где вы его прятали до этого, но сейчас не выпускайте из рук. Нам с вами надо идти во дворец и добраться туда раньше его высочества.

– Не выйдет, он верхом. А вас накажут, забыли?

– Что уж теперь, верно? Вас надо спасти любой ценой. Главное – попасть во дворец, а там король нам поможет.

Он сказал это так неуверенно, что до Генри кое-что дошло.

– Вы ведь плохо знаете короля, так?

– Я его видел куда чаще, чем остальные его подданные. Целых три раза. Но обычно предметы из казармы посланников, все, что мы собрали, просто забирают и...

– Олдус, мне неважно, поверит король в мои подвиги или нет. Я не пойду во дворец.

– Что?! А как же почести?

– Наплевать на почести. Мне нельзя во дворец. Нет времени объяснять. – Генри вдруг понял, что заговорил точно, как скриплеры, и едва не засмеялся.

Конечно, немного почестей ему бы не помешало, но он еще ночью понял, что люди никогда не будут восхищаться таким, как он, а отец всегда говорил ему, что только дураки дважды оплакивают одну потерю. Пора было действовать дальше. Генри посмотрел туда, где виднелся мундир принца. Потом туда, откуда разносился гомон голосов.

– Они поверили, что он о них позаботится. Он же обещал!

– Ох, Генри, какое же вы бесхитростное создание. То были просто слова. Люди дают обещания, а потом нарушают. Добро пожаловать в реальную жизнь.

– Что-то мне не нравится такая жизнь, – пробормотал Генри.

Он вдруг понял, что надо делать. Главное – принять решение, а потом уже не так страшно. Он подошел к Олдусу – тот вздрогнул так, будто ждал, что его укусят. Генри вздохнул и вытащил у него из кармана мятый лист бумаги, походную чернильницу и перо. Сел на землю, нацарапал записку, подул на нее, чтобы быстрее высохла, и стащил с плеча Олдуса лук и колчан со стрелами – все посланники по-прежнему носили их с собой.

– Что вы делаете? – растерялся Олдус.

– То, что нужно.

Генри спрятался за большое дерево – отсюда принца было неплохо видно в прореху между ветками. А потом натянул тетиву и прицелился.

– Генри, не надо! Вы же не такой, что вы де... – перепуганно начал Олдус.

Но Генри уже отпустил стрелу. Олдус сдавленно охнул. Генри мрачно улыбнулся: он видел, как принц подскочил, когда стрела врезалась в дерево прямо у него над головой. Принц пугливо огляделся, но, конечно, никого не увидел. И тогда он вытащил стрелу и медленно снял с нее записку. Прочел ее, скомкал и еще минуту стоял, глядя прямо перед собой. А потом сел на коня. Олдус у Генри за плечом, кажется, не дышал, и Генри, крепко взяв его за локоть, потянул за собой.

Принц выехал из рощи туда, где ждали люди, и своим прекрасным звучным голосом, на который Генри больше не собирался покусаться, сказал:

– Народ волшебного королевства! Я готов объявить свою волю.

Все, как по команде, вскочили, и Генри со смутной завистью подумал: «Все-таки совсем неплохо, когда люди готовы слушать каждое твое слово».

– Поднимите руку те, у кого есть золотая монета.

Почти половина людей вскинула руки вверх, опасливо косясь на соседей.

– А теперь разделитесь на четыре равные группы и встаньте передо мной.

Те с готовностью исполнили приказ – кажется, все были рады оказаться в компании таких же богатых счастливиц, как они сами.

– К востоку отсюда есть две деревни, к северу – еще две. Каждая группа пойдет в своем направлении. Дойдя до деревни, купите себе право на ночлег и пропитание и наймите работников. Монет вам надолго хватит. Я напишу для каждой группы послание о том, что помогать вам – личное распоряжение его высочества. Передадите его старейшинам деревни, они не

посмеют вам отказать. Все вы знаете главный закон королевства: каждый за себя. Отныне вы сами отвечаете за свою судьбу.

Счастливики с монетами переглянулись. Кажется, это показалось им не таким уж плохим решением: так они хотя бы окажутся подальше от невезучих, которым монет не досталось.

– Если этого хочет наследник Сиварда, да будет так, – важно сказал один из стариков.

– Да, – уронил принц с непонятым выражением. – Кажется, именно этого он и хочет.

И все поклонились до земли, глядя на него так, будто увидели чудо. Принц отрывисто кивнул им, достал из сумки, перекинутой через седло коня, бумагу и чернила и быстро нацарапал четыре записки. Пальцы у него подрагивали, и Генри усмехнулся. Очевидно, за то время, пока стрела летела в его сторону, он успел пережить несколько незабываемых секунд.

Группа, состоявшая из тех, кто спал когда-то в Башне загадок, держалась отдельно – Генри сразу узнал их по старинной, полуистлевшей одежде. Но принц, кажется, даже не заметил в их виде ничего странного. Он раздал записки, и люди торопливо отправились в путь, постоянно оглядываясь, будто думали, что остальные сейчас бросятся им вдогонку и отнимут монеты. Остальные, кажется, были не прочь так и сделать, но присутствие принца их явно останавливало. А принц подождал, пока счастливики отойдут подальше, и обернулся к оставшимся.

– Остальные пойдут со мной в столицу. Путь неблизкий, не меньше двух дней, но на месте я вам помогу найти работу, чтобы добывать пропитание для себя и своих близких.

Люди застучали ладонями, влюбленно глядя на него, и Генри почувствовал новый укол зависти.

– Что вы ему написали? – завороченно спросил Олдус за его плечом.

– Что я – тот, кого он ищет. Нагнал страху, – пожал плечами Генри. – Сказал, пусть поможет людям, и, когда все они будут в безопасности, я отдам ему Сердце волшебства. Дал ему полчаса, чтобы придумать что-нибудь. Он уложился в пять минут. Он ведь не дурак, а? – Генри помолчал. – Я написал кое-что еще, второе условие. Чтобы вас не наказывали. Идите. Скоро будете дома. И присмотрите за Агатой и Сваном.

– А вы? – поперхнулся Олдус.

– Буду держаться поблизости. Следить, как он держит слово. Не ищите меня, ясно? Мне легче одному. Разберусь, – с большей уверенностью, чем чувствовал, сказал Генри.

А потом вспомнил жест скриплера и хлопнул Олдуса по плечу. Кажется, это он запомнил верно: Олдус не отшатнулся, даже не вздрогнул, и на его лице появилось странное выражение, слепленное разом из удивления и стыда. Он открыл рот с таким видом, будто собирался произнести длинную речь, а потом закрыл его обратно, коротко поклонился и ушел не оглядываясь.

Генри следил из укрытия, как Олдус привел к принцу Агату и Свана, который держался у нее за спиной, двумя руками вцепившись ей в локоть.

– Сказать, что ты прекрасно выглядишь, было бы преувеличением, – сказал принц. Агата мрачно приподняла одну бровь, и принц вдруг рассмеялся. Генри даже не думал, что он это умеет. – Но в остальном ты все та же. Я рад, что ты жива.

– Хотите, я вам за нее расскажу про наши приключения? Могу даже в стихах, – прошепестел у нее за спиной Сван, глядя себе под ноги.

– Олдус, проследите за Агатой, чтобы опять не сбежала, – уронил принц, брезгливо глядя на висящую лохмотьями куртку Свана.

А потом развернул коня и поехал прочь. Посланники старались держаться поближе к нему, как выводок птенцов, спешащий за матерью. На Олдуса они посматривали мрачнее некуда, но сказать ничего не решались.

– Ребята, а ну веселее! – бодро крикнула старушка в красном полушубке. – Давайте-ка уладим пением слух нашего драгоценного героя! Раз-два! Когда герой вернется, все будет хорошо! Но сколько ждать придется, не знаем мы еще!

Судя по лицу обернувшегося принца, он бы явно предпочел, чтобы его слух не улаживали. Но что бы он ни хотел сказать по этому поводу, его слова потонули в трех сотнях других голосов.

– Весна придет, мы знаем, зиме сырой взамен! И смирно ожидаем мы этих перемен!

– Эту знаменитую песенку придумали не так давно, так что до песен предков ей далеко, – громко сказал Олдус, прежде чем со всеми затянуть второй куплет. Как будто знал, что Генри его слышит.

Голоса грохотали так, что чуть земля не дрожала. Генри был единственным, кто не знал слов, и на секунду он представил то, чего никогда не будет: что люди поют все это ему. А потом молча затесался в толпу, повыше натянув шарф и прижимая к себе сумку, в которой ровно, успокаивающе билось Сердце – в том же ритме, что его собственное.

Широкая утоптанная дорога вела на восток – сначала по пустынной равнине, потом – через перелески, которые скоро превратились в настоящую чащу. С каждым часом становилось все холоднее, здесь уже ничто не напоминало о теплых просторах Пропастей. Вскоре стихли и песни, и голоса. Люди брели вперед молча, спотыкаясь о собственные ноги. Иногда то тут, то там начинал плакать ребенок, и другие дети подхватывали плач – как волчата, которые начинают выть, если завыл хоть один.

Под вечер все валились от усталости, даже принц едва не падал со своего тяжело бредущего коня. Наконец, когда скупое, бледное солнце опустилось за лес, принц остановился.

– Привал, – объявил он. – Можете спать до утра. Еды нет, но знайте: я голодаю с вами.

– Какой же он милый, – прошептала какая-то женщина рядом с Генри.

В этом лесу снег еще не сошел до конца, земля была размокшая, влажная, кое-где торчали вялые ключья прошлогодней травы, за которую тут же принялся конь. Люди насобирали веток и попытались развести костры, но, конечно, ничего у них не вышло. Генри какое-то время наблюдал за их беспомощными усилиями, а потом не выдержал, нарвал коры с березы, подошел к ближайшей семье и, забрав у растерянного отца семейства огниво, молча показал им, как разводить костер, если дрова сырые.

Остальные теперь посматривали на единственного обладателя костра довольно угрюмо, но даже не попытались спросить, как он это сделал, так что Генри пришлось самому подойти и под остолбеневшими взглядами развести еще четыре костра, прежде чем люди хоть как-то поняли, что от них требуется.

– Смотри, милая, какой странный парень, – услышал Генри у себя за спиной. – Нет бы развести для себя костер и сидеть спокойно! Так нет, ходит и другим помогает.

– Да и лицо не показывает, – ответил женский голос. – Подозрительно как-то.

Генри, который собирался развести еще один костер, тут же раздумал. Ему ужасно хотелось есть, и тут он вспомнил, что на плече у него до сих пор болтается лук Олдуса Прайда. Стрел, правда, почти не осталось. Генри подобрался к тому месту, где сидели посланники, беспрепятственно стащил три колчана стрел – все равно они, кажется, на охоту не собирались – и отправился в лес.

Здесь была весна, прохладная, ранняя. Кое-где на деревьях уже набухли туго скрученные листья, пласты нерастаявшего снега мокро блестели. На первый взгляд казалось, что в лесу совершенно пусто, но Генри прекрасно знал, что это не так: ночь была еще не поздняя, кто-нибудь да найдется. За следующую пару часов он выследил пять куропаток, но, видимо, последние дни слишком его вымотали, – устал он при этом так, что едва мог идти.

Когда он вернулся к людям, почти все они сидели, хмуро глядя в огонь, – голод им не давал заснуть или страх перед темным лесом, Генри не знал. Он выбрал пять семей, которые выглядели хуже остальных и, подобравшись к ним из темноты, оставил рядом с ними по куропатке – разговаривать ему не хотелось. Вскоре по лесу разнеслись радостные вопли тех, кто

нашел у себя под боком еду. Люди начали ощипывать птиц и жарить их на огне, и вскоре по лесу поплыл запах горячего мяса.

Генри развел костер поодаль от остальных и сел, протянув руки к огню. Он так устал, что даже голода больше не чувствовал, но спать, когда вокруг столько людей, было слишком опасно.

Сквозь спутанные голые ветки он видел, что у костра посланников все уже заснули, – все, кроме принца. Тот ворочался так, будто никогда не спал на земле, потом садился снова, опять пытался лечь – и вздрагивал, когда в лесу начинали подвывать волки. Как будто не знал, что волки не выйдут к огню и сотням людей.

Генри презрительно фыркнул, сунул руки в карманы, пытаясь согреться, – и нащупал книгу Тиса. Вот что поможет ему не спать. Он медленно пролистал ее всю, подолгу разглядывая каждый разноцветный рисунок, и так увлекся, что слишком поздно услышал: кто-то идет.

Он вскинул голову и замер. Принц остановился прямо перед ним, навис сверху, как скала. На секунду Генри показалось, что принц как-то догадался, кто он, но тот заговорил совсем о другом.

– Книга? Дай ее мне. Хочу посмотреть. – Принц протянул ладонь с таким видом, будто Генри обязан тут же положить на нее книгу.

Так, наверное, и надо было сделать, но Генри только крепче сжал книгу.

– Ты ведь знаешь, кто я такой? – сердито спросил принц. – Как ты смеешь не слушаться приказа?

Генри продолжал смотреть на него тем взглядом, которым при встрече с дикими зверями показывал, что он их не боится.

– Да и вообще ты должен встать и поклониться. – Принц сложил руки на груди. – И смотреть не прямо на меня, а вниз.

– Больше ничего не должен? – не выдержал Генри и запоздало пожалел, что открыл рот. Лицо у принца вытянулось, будто он случайно проглотил живую лягушку.

– Ты плохо знаешь свое место.

«Молчи, – сказал себе Генри. – Не открывай рот». Не помогло.

– Сейчас оно тут. И я на него сел, чтоб побыть одному. С чего мне передумать?

Выражение на лице принца стало почти забавным, и Генри почувствовал мстительное удовольствие.

– Хочешь книгу забрать? – продолжил он. Инстинкт самосохранения уже вопил во весь голос, но Генри его не слушал. – Так попробуй, отними.

Принц завертел головой – видимо, проверял, насколько далеко посланники. Генри мысленно застонал и схватился за голову, но вслух сказал:

– А без помощников не справишься?

Принц открыл рот – да так и не закрыл, словно удивление пересилило даже гнев.

– Ты должен называть меня «ваше высочество», – наконец выдавил он.

– Как скажешь, ваше высочество.

– И на «вы», наглец. – Принц наклонился и стянул с его лица шарф. Генри стерпел. Он был слишком занят тем, что пытался прикусить себе язык. – Кто ты вообще такой?

– Никто, – быстро ответил Генри.

– Вот именно. А теперь дай мне книгу.

Генри не двинулся, и принц, жадно поглядывая на книгу, вдруг поменял выражение лица на покровительственно-добродушное:

– Не спится, а книга всегда помогает скоротать время. Я прочел все книги во дворце, но вдруг у тебя та, которой я не знаю? Мне любопытно.

– Я что, должен на это сказать: «О, ну тогда, пожалуйста, бери»?

Выражение доброты и спокойствия удержалось на лице у принца с трудом.

– Книга – редкий предмет. И откуда она у такого оборванца? Может, ты ее украл. За это можно и в Цитадель отправиться. Но если ты дашь мне ее посмотреть, я не скажу посланникам, – мягко сказал принц, и Генри фыркнул. – Что ты уперся? Ты наверняка даже читать не умеешь! Дай мне книгу.

– Нет.

– А если я тебе дам пять лесных орехов?

– Кто-то говорил, что голодает с нами.

Принц весь пошел красными пятнами.

– Я наследник трона. Я не могу погибать со всеми грязными... – Он вдруг будто остановил себя, через силу улыбнулся и сунул орехи обратно в карман. – Я тебе приказываю именем короля.

– Не действует.

– Дай, пожалуйста, посмотреть, – с усилием произнес принц. – Я верну.

Генри поднял брови:

– Нет, тоже не работает.

– Ну все, ты напросился. – Принц резко наклонился и дернул книгу к себе.

Генри рывком поднялся на ноги, но книгу не выпустил. Минуту каждый тянул книгу к себе, а потом принц свободной рукой толкнул Генри в грудь с такой силой, что тот отлетел и, потеряв равновесие, растянулся на земле. Принц торжествующе улыбнулся и открыл книгу. Поле боя осталось за ним.

Генри отполз назад и снова прислонился спиной к дереву. До него только сейчас дошло, насколько он ослабел от голода. Если на него нападут, не сможет даже отбиться. Он был так занят этими размышлениями, что не сразу заметил, как у принца изменилось лицо.

Тот смотрел в книгу остановившимся взглядом, медленно переворачивая страницы.

– Где ты ее взял? – ледяным голосом спросил принц.

– Дома, – буркнул Генри.

– Врешь, мерзавец, – отрывисто проговорил принц. – Такая же была у нас с братом в детстве. Вот тут выпадает страница, именно там, где я помню. Мы вечно дрались за эту книгу, я хотел читать, а он картинки разглядывать. – Принц говорил так, будто только что вспомнил что-то давно забытое. – Я был сильнее, но книга вечно доставалась ему, потому что он сразу начинал... Но вот этого там не было.

Принц уставился на последнюю страницу, а потом с неподвижным лицом опустил на колено напротив Генри и ткнул ему в лицо открытую книгу. На внутренней части обложки было криво, небрежно написано:

Глазам не верь, они солгут,
И то, что прежде знал, забудь:
Четыре мастера придут
И пятому проложат путь.

– Ты написал? – чуть не впечатывая книгу ему в нос, спросил принц.

Генри покачал головой. Принц прожег его очередным мрачным взглядом, но как-то вполсилы, будто был слишком занят собственными мыслями.

– Эти стихи – как будто продолжение тех, которые... Ты бывал во дворце? Да нет, не может быть. – Он провел рукой по лбу и встал. – Кто-то из твоих родичей просто с ума сходил по сказке о потерянной короне, вот и выдумал глупый стишок, который ничего не значит. Ладно, мы с этим разберемся.

Он положил книгу себе в карман – и Генри задохнулся от гнева. Надо было драться, отнять книгу, это ведь все, что осталось ему от Тиса, но он вдруг понял, что действительно не может встать, и просто схватил принца за ногу.

– Отдай, – выдавил он, но принц только дернул ногой, и он разжал пальцы.

Генри сторбился, будто все, что произошло за последние недели, разом навалилось на него. Он держался, он пытался быть сильным, как учил отец, он все сделал, а теперь... Почему-то эта книга была последней каплей. Он чувствовал, что задыхается, будто воздух царапал ему легкие. Все силы уходили на то, чтобы выровнять дыхание, и до него слишком поздно дошло, что щеки стали мокрыми. Генри опустил голову ниже. Он ждал, когда принц уберется, – ничего, тогда он просто умоется снегом, и все пройдет, – но тот по-прежнему стоял рядом. Сейчас начнет насмехаться или ударит его, со слабыми только так и поступают, и Генри зло вытер рукавом глаза, отворачиваясь.

– Серьезно? – вдруг сказал принц каким-то новым голосом. – Эй. Нет. Хватит. Прекрати. Вот, бери.

И перед носом у него появилась книга. Генри неверяще посмотрел на нее, потом быстро вытянул руку и дернул книгу к себе. Он думал, это какой-то хитрый прием, но принц легко разжал пальцы и сел на толстый корень соседнего дерева, будто тоже разом устал.

– Вот так он драку и выигрывал, – уронил он.

У него было странное выражение лица – как будто ему больно, хотя Генри его даже не ударил. Генри открыл рот, но так и не издал ни звука. Он понятия не имел, что положено в таких случаях говорить, – и, конечно, опять все сделает не так, лучше уж не начинать.

– Что это вообще за сказка о потерянной короне? – спросил он, просто чтобы не молчать, и вытер нос. – В книжке такой нет.

Принц уставился на него так, будто Генри сказал глупость.

– Конечно нет. Это ведь было после потери Сердца, когда люди уже разучились писать книги. Только не говори, что не знаешь эту историю. Ты что, с дальнего севера?

– Что за сказка?

– Ну ты и наглый. Наследник трона не обязан ничего рассказывать простому смертному, – надменно сказал принц, потирая руки от холода. – Ладно, слушай. Не знаю, правда это или нет, но говорят, что до Освальда все короли, как один, были великими, щедрыми и добрыми, и народ души в них не чаял. Они были...

– Как вот этот? – Генри ткнул в картинку из книги: человек стоит на балконе дворца, ответственно раскинув руки, а внизу, на площади, море счастливых лиц, разноцветная одежда, и все смеются и хлопают в ладоши.

– Да, точно такой, – кивнул принц, и Генри вдруг совершенно ясно понял: вот это и есть его нормальный голос. – Это король древности, он же в короне.

– Короли что, носили вот эту золотую шапку с дырой целыми днями? – Генри провел пальцем по витому золотому ободу на голове нарисованного человека.

– В сказках говорится, она легкая, как перышко, и всегда холодная. Это творение великих мастеров. Когда она исчезла, люди пытались выковать новую, но куда там. Получалась тяжелая и уродливая, долго ее на голове не продержишь, так что их уже давно не носят.

– А куда делась та?

– Seriously?

– Не тани. Рассказывай.

– Ладно. Король Ингвар – тот, что сменил злого Освальда, – после потери Сердца пытался спасти королевство от нищеты. Убедить людей, что даже без даров они на многое способны. А помогал ему в этом Алфорд – добрый волшебник, которого еще называли отцом мастеров. Но после смерти Ингвара на трон взошел его сын, злой и жадный Морган.

Принц говорил, даже не запинаясь, будто каждое слово знал наизусть.

– Морган первым велел королевским посланникам скупать предметы, сделанные даровитыми мастерами прошлого, и накопил столько добра, что перестал спать ночами. Ему все казалось, что люди заберутся к нему и украдут его ценности. И тогда он повелел навсегда закрыть главные ворота, ведущие во дворец, – а раньше через них мог пройти любой желающий.

Принц откинулся спиной на ствол дерева, глядя на черное, без единой звезды небо так, будто видел там что-то другое, что-то из своего воображения.

– Теперь во дворец можно было попасть только через тоннели в крепостной стене, которые днем и ночью стерегла охрана. И тогда волшебник Алфорд рассердился. Он сказал королю: «Ты недостойн править, и я накажу тебя». Щелкнул пальцами, и в ту же секунду корона исчезла с головы короля. И Алфорд вскричал: «Я спрятал ее прямо здесь, в стенах дворца. Найти ее легко, но это под силу лишь тому, у кого сердце истинного государя».

– И как, Морган ее нашел?

– Конечно нет. Но с тех пор все пытались ее отыскать. В легенде ведь не сказано, что корону может надеть только тот, кто уже правит. Тот, у кого сердце короля, надев ее, станет новым законным правителем, основателем династии великих королей будущего. И тогда наступят времена благоденствия.

– А Алфорд никому не помогал искать?

– Его тоже с тех пор никто не видел. Видимо, он так разозлился на людей, что больше не показывался, как ни звали. Да и мастеров, которым он помогал раньше, больше не было.

– Он был волшебником? – задумчиво протянул Генри. – Как Тис?

– Сказочный дед с лечебными кошками? Да, точно. Ну хоть про кого-то ты слышал.

– Значит, Тис и Алфорд точно были знакомы.

– Конечно были. При чем тут это?

Генри мысленно произнес: «Книгу я нашел в кармане халата погибшего Тиса, так что, может, в ней и правда подсказка, как искать эту вашу корону», – но понял, что лучше промолчать.

– Ты говорил, этот стишок похож на какой-то другой, – сказал он вместо этого.

– На одной из стен во дворце есть надпись. Там четыре строчки, очень похожие на эти. – Принц медленно выдохнул. – Иногда я думаю, может, и не было никакой короны.

– Раз Сердце не сказка, значит, и она тоже.

Эти слова, кажется, напомнили принцу о чем-то неприятном. Он резко встал, расправил мундир и оглянулся туда, где спали посланники, – будто боялся, что они застанут его здесь. Но там было тихо, даже костер погас, и принц обернулся к Генри.

– Ты видел его? – отрывисто спросил он. – Разрушителя? – Генри не ответил, и он заговорил снова: – Не сиди тут один, иди ближе к остальным. Наверное, это он рыщет в темноте. Слышишь вой?

– Это волки. Два самца и самка. Просто общаются.

– Он где-то рядом, – не слушая его, сказал принц, и лицо у него опять стало жестким, будто вырубленным из камня. – Посланники говорят, он мог затесаться среди нас, но я не верю. Говорят, у него клыки, и дышит он огнем. Такого бы сразу заметили. – Он сжал руку на мече. – Но будь он хоть непобедимый зверь, однажды я убью его.

– Удачи, – не выдержал Генри, а потом, просто в благодарность за историю, прибавил: – Эй. Я охотник. Я чувствую опасность. Нет никакого чудовища, это просто волки. Они не тронут, если сам не тронешь. Тут безопасно, ты можешь спать.

Принц приоткрыл рот и хотел, судя по лицу, сказать: «Не лезь со своими советами», – но потом развернулся и молча пошел обратно к посланникам. Генри видел, как он вскинулся, когда волки завывали громче, а потом растянулся у тлеющего костра и уснул.

Генри натянул шарф на лицо, сполз ниже по стволу дерева и закрыл глаза. Слова сказки раскачивались у него в голове, как деревья под ветром, – и он сам не заметил, как заснул.

Ему снилась корона. Золотой обод, легкий и прохладный, падает ему прямо в руки, и он надевает его, просто чтобы понять, каково это – всем нравиться. Он раскидывает руки, и все приветствуют его, хлопают в ладоши, все счастливы его видеть, и сквозь сон он вдруг тоже почувствовал себя совершенно счастливым.

Глава 3

Добро пожаловать во дворец

Генри открыл глаза оттого, что свет коснулся лица. Он резко сел, но оказалось, что волноваться нечего. Восход солнца разбудил всех разом: обрушился на промерзший лес, вспыхнул на остатках льда и снега. Люди повсюду зевали, потягивались, даже посланники с утра выглядели безобидными: мирно рвали бересту и собирали ветки. Принц стоял, морщась и поворачивая голову то в одну сторону, то в другую, будто во сне отлежал шею.

Когда люди отогрелись у костров и голод стал волновать их явно больше, чем холод, принц влез на лошадь и едва не свалился обратно, потирая бока и спину. Но зато речь он произнес кратко и по делу.

– Чем скорее выйдем, тем быстрее дойдем, – севшим голосом сказал он, явно стараясь не зевать.

Пять минут спустя все уже выбрались из леса на дорогу, преданно глядя на изрядно потрепанного принца. Генри вдруг заметил, что мундир у него шикарный, но явно очень старый. Может, во дворце это был особый шик – носить одежду, сделанную даровитыми предками, но после ночевки на земле у мундира предательски отрывался рукав и три пуговицы. Принц так старательно прилаживал плащ, чтобы скрыть это, что Генри фыркнул – какие странные вещи иногда заботят людей!

Несмотря на голод, все шагали бодрее, чем вчера, – то ли оттого, что вышло солнце, то ли потому, что прошел слух: если поторопятся, до дворца доберутся уже к вечеру. Посланники тоже заметно встряхнулись, начали улыбаться; им явно не терпелось попасть домой.

Когда закончился лес, вместе с ним оборвалась и утоптанная тропа – дальше тянулась дорога, выложенная гладкими светлыми камнями. Рядом на столбе был указатель с выцветшей, еле различимой надписью: «Добро пожаловать на королевскую дорогу. До дворца три тысячи шагов». Надпись была встречена одобрительным свистом.

Все менялось на глазах: равнина превращалась в горы, между которыми вдруг проглядывали то озера, то рощи деревьев, усеянных мелкими цветами, но без единого листка. Даже птицы здесь были невиданные – длинноногие, с белыми крыльями и черными носами, они собирались стаями у озер, ловили рыбу и обменивались веселыми криками, похожими на кваканье лягушек.

– Мама, цапля! Как в книжках! – восторженно верещала девочка неподалеку от Генри и тянула мать за юбку. – Можно, я поглажу?

– Вряд ли, детка, – рассеянно ответила мать и повернулась к соседке. – Надо же! Цапля, королевская птица! Я думала, их и на свете не бывает. Теперь-то ясно, что скоро дойдем!

К тому времени, как на дороге появился указатель «Добро пожаловать в столицу», солнце уже начало клониться к закату. После указателя все изменилось снова – вокруг начали попадаться дома.

– Каменные! – завороченно вздыхали повсюду.

– Старинные, – хвастливо пояснил Олдус. Он подал голос, кажется, впервые с тех пор, как они ушли от Пропастей.

Люди вертели головами, провожая восхищенным взглядом каждый дом, но местные жители их хорошего настроения явно не разделяли. Теперь белую дорогу постоянно пересекали другие, узкие, и людей вокруг становилось больше. При виде толпы, идущей в их сторону, глаза у местных становились круглыми, как луна. Вскоре весть о трех сотнях путников, кажется, разнеслась повсюду: двери всех домов вдоль дороги захлопывались у них на глазах, улицы пустели, но Генри чувствовал: из окон на них глядят сотни глаз. Город оказался огром-

ным – бесконечные дома, площади, лавки. Генри уже не надеялся, что все это когда-нибудь закончится, но тут дома расступились, и за ними открылось огромное свободное пространство: так неожиданно, что все сбились с шага.

Дорога выходила на площадь, за которой виднелось озеро с неподвижной черной водой. Справа площадь обрамляли невиданные здания с резными крышами, а слева, насколько хватало глаз, тянулась каменная стена. За ней было видно причудливое здание с десятками башен, а еще выше, на скале, возвышалась статуя человека с протянутыми к небу руками. Все это, наверное, когда-то было красивым – лет триста назад. С тех пор здания обветшали и местами начали рушиться, стена из камней была почему-то обуглена сверху, будто на ней жгли костры. Это было такое несуразное, мрачное и странное место, что люди не знали, что сказать. Повисло неловкое молчание, и Олдус торопливо заговорил, словно его задевало, что никто не восхищается:

– Не правда ли, величественное зрелище? Слева вы видите стену, окружающую дворцовые владения, а над воротами – герб нашего королевства: сердце, корона и пять звезд. А над ними надпись: «Пусть освещают звезды путь дарителей».

Все хмуро посмотрели на огромные, наглухо закрытые ворота. Трое могли бы встать друг другу на плечи и все равно не дотянуться до верха.

– А за стеной можно разглядеть и сам дворец, – не унимался Олдус. – Ну и конечно же особое внимание привлекает древняя статуя Дарителя на вершине скалы, символ нашего королевства.

– Я хочу домой, – тихо сказала девочка рядом с Генри.

– Я все как-то по-другому себе представляла, – прошептала ее мать и, прокашлявшись, громко спросила: – А почему озеро черное?

– Прекрасный вопрос! – бодро ответил Олдус. – Его называют «Мертвое озеро». После потери Сердца в нем, говорят, поселилось чудовище с тысячей зубов, и с тех пор здешнюю воду не тревожат. – Олдус завертел головой и весело прибавил: – Вон то длинное здание – это корпус посланников. Дом, милый дом! А вон там, на другом берегу, Цитадель, где сидят все воры.

На людей это сообщение произвело вовсе не то впечатление, какого ожидал Олдус Прайд. Они поежились – наверное, вспомнили битву за монеты.

Вдоль краев площади были выставлены прилавки, у которых толпились местные, что-то рассматривали, меняли монеты на товары. При виде новоприбывших все они забыли о своих делах, крепче прижали к себе сумки и сбились вместе. Неодобрение их горело, как факел в ночи, – даже Генри чувствовал его издалека.

– Надо успеть до заката, – отрывисто сказал принц.

Он мрачнел с каждым шагом, будто ему не хотелось возвращаться. А Олдус, наоборот, взбодрился. Они начали что-то негромко обсуждать, и Генри подобрался ближе.

– Пусть его величество нас рассудит, – сказал Олдус.

– Я лучше сам все ему расскажу.

– При всем уважении, ваше высочество, я пойду с вами.

Олдус сказал это так, будто его уважение имело предел, и принц бросил на него убийственный взгляд. Но Олдус отступать не собирался. Принц оглядел шатающихся от усталости людей и помрачнел еще больше.

– Ладно, давайте быстрее покончим с этим, – буркнул он, а потом заговорил громче: – Подданные, ждите своей участи здесь! Мы с капитаном Прайдом обо всем доложим его величеству, и он объявит свою волю. Посланники присмотрят за вами. Сохраняйте спокойствие.

Генри с облегчением выдохнул. Его путешествие закончится вот здесь, на этой площади. Он просто дождетсся, когда король скажет, как именно поможет людям, убедится, что их накормят и дадут крышу над головой, отдаст принцу Сердце, а потом скроется из этого каменного города обратно в лес, куда-нибудь далеко, и будет просто жить. Оставалось, правда, невыпол-

ненное обещание помочь Свану найти брата, но сейчас уж точно не до этого. Генри приготовился снова затеряться в толпе, и тут рядом раздался голос:

– Генри! Ты тут! Я так рад! Думал, мы тебя потеряли!

И Сван схватил его в свои медвежьи объятия. Генри так растерялся, что даже не подумал вывернуться. Он подозревал, что должно быть какое-то наказание для тех, кто нарушает слово, но не думал, что оно вот так обрушивается тебе на голову в ту же секунду. Сван тряс его за плечи, повторял, что узнал даже в капюшоне, и сиял при этом так, будто нашел потерянного друга. Генри стало стыдно: он собирался бросить этого увальня, а тот так ему радуется.

Но потом оказалось, что наказанием был не только стыд. Генри почувствовал, что на него легла тень, и поднял голову.

– Как ты его назвал? – тихо спросил принц, свесившись с лошади, и Генри перестал дышать. Он бы уже давно скрылся, но Сван по-прежнему всем своим немалым весом висел у него на шее.

– Генри, – тут же ответил Сван. – Он мой друг. И герой. Мне господин Прайд велел молчать, но я-то знаю, что он изб... – Генри запоздало зажал ему рот, беспомощно уставившись на принца. Тот в ответ смотрел на него, как коршун на мышь. Никто не обращал на них внимания – все галдели, обсуждая дворец и озеро.

– Пойди-ка отсюда, – мягко сказал принц, глядя на Свана. – Вот тебе орехи, грызи.

Сван радостно схватил подачку и умчался смотреть на озеро, напоследок помахав рукой. Генри застыл, будто ноги у него присохли к земле. Он лихорадочно крутил в голове одну и ту же мысль: правы были те, кто говорил, что соратников он себе подобрал хуже некуда. Говорил же Хью, что у Свана мозги, как у десятилетнего. Обычно это было не так уж заметно, особенно когда он стихами говорил, но сейчас...

Принц соскочил с лошади, и Генри дернулся назад, но принц схватил его за воротник.

– Так это ты. – Принц сжал зубы, проглатывая не то злость, не то страх. – Так и знал, что эти болваны преувеличили насчет когтей и зубов. Выглядишь точно как мы, а? Хорошо посмеялся надо мной вчера? Но давай-ка договоримся. Я сделал, что ты просил. Привел людей в город. Отдай мне Сердце прямо сейчас, тихо, не привлекая внимания, и я отпущу тебя.

Генри заколебался. То, что принц умеет быстро соображать, он уже понял, и сейчас его план не казался таким уж плохим. Нельзя попадаться. Надо уходить. Он сделает то, что и собирался, просто чуть раньше. Генри снял с плеча сумку – ему было почти больно расставаться с ней, это биение будто стало частью его самого, – и протянул принцу. Тот оттянул ее край вниз, увидел переплетенные красные кораллы, и лицо у него изменилось. Он выглядел так, будто увидел чудо, и Генри решил, что это отличный момент, чтобы скрыться.

Он успел пройти три шага. А потом принц громко, ясно, так, что услышали все вокруг, крикнул:

– Вот он! Разрушитель, приспешник Освальда! Хватайте его! Он укрывался среди нас, как волк среди овец, но теперь разоблачен!

Любовь принца к пышным выступлениям дала Генри несколько секунд, он бросился прочь, но сбежать в толпе не так просто, и скоро кто-то прыгнул ему на спину, сбивая с ног.

На этот раз посланники учли все прошлые ошибки: сразу выкрутили ему руки назад и связали шарфом. Генри брыкался так, что почти смог освободиться, но тут кто-то ударил его кулаком по лицу, и Генри завалился назад, сам не веря, что мог так попасться. Похоже, за время похода он ослабел сильнее, чем думал.

Дальнейшее Генри слышал плохо – слишком звенело в ушах. По толпе летели знакомые злобные крики, принц громко обещал, что разрушитель скоро увидит быстроту и мощь королевского правосудия, а Олдус повторял, что Генри не виноват и король во всем разберется, как только они все дойдут до дворца.

До этой секунды Генри боялся не то чтобы в полную силу – так, еще одна передрыга, из которой он как-нибудь выберется, – но тут его будто окатило ледяной водой.

– Нет! – крикнул он так, что чуть голос не сорвал. – Мне нельзя во дворец!

Генри надеялся, что Олдус поймет и остановит все это, но тут посланникам, кажется, надоело слушать крики, и они заткнули Генри рот его же шарфом.

К тому времени, как Генри дотащили до обугленной стены, он исчерпал все приемы драки без рук и просто обвис, делая вид, что потерял сознание. Теперь посланникам нужно было кучу сил тратить на то, чтобы он не упал на землю. Генри надеялся, что их это вымотает, и тогда он, собрав все силы, попробует еще раз.

Поодаль от высоченных ворот в стене была деревянная дверь с зарешеченным окошком. Принц постучал. Из-за двери не раздалось ни звука, принц заколотил в нее с удвоенной силой, будто хотел сорвать зло на куске дерева, – и наконец окошко приоткрылось.

– Никаких поставок сегодня не ожидается, кого там принесло! – проворчали за дверью. – Вечер близко! Кто там?

– Тот, кого вы три дня искали. – Принц шагнул ближе к двери. – Я здесь, цел и невредим. И с прекрасными вестями для отца.

– Ваше высочество! – испуганно пробормотали за дверью. – А почему вы снаружи, а не внутри?

Лицо у принца вытянулось.

– Меня что, никто не искал? Так, давайте вы сначала откроете, а потом обсудим вашу преступную халатность, – проговорил он, нетерпеливо барабанил пальцами по двери.

Наступление быстрого и мощного правосудия несколько затягивалось, и Генри решил: пора. Он рванулся, пытаясь освободиться, но посланники явно решили с ним не церемониться и ударили в живот. Теперь голос человека за дверью доносился до него будто из-под земли.

– В списке дел на день у меня нет такого приказа – пропустить ваше высочество. Мне надо спросить капитана второй дворцовой охраны, своего начальника. Как доложить?

– Принц с победой над врагом, с Сердцем волшебства и с плененным разрушителем, – дрожащим от злости голосом сказал принц. – Этого достаточно?

За дверью повисло молчание.

– У меня указаний на такой случай нет. Пойду спрошу.

– Стойте! – Принц запустил руку в карман, вытащил золотую монету и просунул между прутьями решетки. – Со мной будут еще пятеро, не обращайтесь на них внимания.

– Добро пожаловать во дворец, – быстро сказал охранник и посторонился, открывая дверь. Генри втокнули внутрь, и шум площади остался позади.

За дверью была широкая арка глубиной шагов в десять – до этого Генри даже представить не мог, какая толстая стена у замка.

– Вы что, играли в «Слопай меня, великан»? – раздраженно спросил у кого-то принц.

– Никак нет, – нестройно ответили несколько голосов.

– А что это торчит из-под списка приказов, не фишки, случайно? – Принц сердито повернул что-то на столе и повел за собой коня.

– Сейчас королевскую лестницу увидим, – тихо сказал один из посланников другому.

Генри понял, что, помимо него и двоих, держащих его за плечи, в дверь прошли только Олдус, принц и Агата, но сил на новую атаку у него не было.

За страшными стенами, как ни странно, была красота: сад с незнакомыми деревьями, а посреди него – широкая лестница из белого камня. Генри думал, что, если вообще не будет передвигать ногами, посланникам быстро надоест тащить его по лестнице. Но они так рвались вверх, что Генри за собой утащили в два счета и остановились только шестьдесят две бело-снежные ступени спустя.

– Вот он, дворец, – благоговейно сказал один. – Красота-то какая. Повидал его, и помирять можно.

Генри вяло поднял голову. Огромное здание из светлого камня казалось легким, будто вырезанным из бумаги: со всеми башнями и колоннами, завитушками и фигурами странных зверей на крыше. Два стражника сидели по обе стороны двери и дремали, повесив голову на грудь. Принц ткнул одного ногой, и оба сразу вскочили, схватившись за мечи.

– Открывайте двери, – велел принц.

– Ваше высочество? – пробормотал один. – А почему вы снаружи? И кто это с вами? В списке дел у нас ничего такого нет, да и закат скоро.

– Забудьте про список! – рявкнул принц. – Вот это Сердце волшебства, ясно вам?

Они посмотрели на сумку у него в руках, глупо моргая.

– Мне надо спросить начальника первой охраны, – неуверенно сказал один.

Принц вздохнул. За следующую минуту еще две монеты переключались от него к стражникам, двери распахнулись, а изнутри пахло чем-то старым: не то пылью, не то сухими цветами.

– Самый счастливый день в моей жизни, – прошептал один посланник другому.

Генри с ними точно не согласился бы. Створки двери упирались в обитый блестящим красноватым металлом порог, и Генри понял, что именно про него и говорил отец: «Как только переступишь его – будущее наступит, что бы ты ни делал». Он замычал, упираясь, но посланники просто втащили его за собой, как мешок с камнями.

И его нога пересекла порог. Генри всем телом почувствовал, как захлопнулись у него за спиной двери, – тяжелый одинокий звук, – а потом наступившую тишину прорезал мягкий голос:

– Добро пожаловать во дворец, господа!

Перед ними стоял человек в самой нелепой одежде, какую Генри приходилось видеть: короткие пышные штаны, под ними – еще одни, но только облегающие, ярко-желтые и перевязанные лентами, сверху – что-то вроде куртки с вышивкой и кружевным воротником, на шее – золотые цепочки, на ногах – туфли с бантами. Если бы он в таком виде вышел на охоту, его бы задрал первый же хищник, потому что ни бежать, ни стрелять он бы точно не смог.

Человек поклонился, разведя руки в стороны и поглядывая на принца блестящими, как у воробья, глазами:

– Ваше высочество! Какое счастье вас видеть! А это кто у нас? Неужто Агата? Ах, милое дитя, вы живы! Какая услада для глаз! Приветствую и вас, господа посланники! Уверен, вас не разочарует великолепие...

– Достаточно, Уилфред, – перебил принц. – Отведите нас к отцу.

– Я вижу, что вы и ваши друзья устали с дороги, и закат близко. Его величеству нездоровится, да и не стоит ему так волноваться на ночь глядя, и...

– Дело не терпит отлагательств. – Принц обогнул его и пошел вперед по коридору.

Уилфред застыл с таким потрясенным лицом, будто на глазах у него произошло что-то ужасное.

– Ваше высочество! Приличия требуют, чтобы вы... Господа, вы достойны лучшего приема!

Уилфред шел спиной вперед, постоянно кланяясь, Олдус и посланники кланялись в ответ, так что Генри дергало то вперед, то назад. Вырваться он больше не пытался и по сторонам тоже не смотрел. Какая теперь разница, что он увидит? Его протащили по нескольким коридорам и лестницам, а потом все остановились перед большими золотистыми дверями, по обе стороны которых стояли два стражника, – те при виде гостей вытаращили глаза, как стрекозы.

– Позвольте хотя бы провести церемонию входа в тронный зал! – взмолился Уилфред, но принц уже рванул створки на себя.

– Отец! – громко сказал он. – Прими меня с победой!

Уилфред закрыл лицо ладонью.

– Катастрофа, – прошептал он и поклонился так глубоко, что едва не уткнулся лицом в пол.

Зал, в котором они оказались, выглядел роскошно, но мебели тут не было никакой, кроме кресла, в котором, держа голову так, словно она сейчас отвалится, полулежал человек. За его спиной, вытянувшись, будто к спине у них привязаны жерди, замерли двое с мечами и в золотых куртках, а в нескольких шагах от кресла стояла светловолосая женщина с каким-то списком в руках. Посланники упали на колени, продолжая держать Генри, отчего он повалился носом в пол. Потом раздались гулкие, торопливые шаги принца и его голос:

– Вот Сердце волшебства. – Голос принца вздрагивал от какого-то непонятного, но сильного чувства. – Оно возвращается домой. Освальд побежден, разрушитель в плену. Я все сделал.

Значит, этот человек и есть король? Генри представлял, что для людей он – как вожак стаи у волков. А этот выглядел измученным и вялым, какой из него вожак? Кое-как поднявшись вместе с посланниками, он увидел, что принц стоит перед креслом на одном колене, держа ларец на вытянутых руках. И Генри с тоской понял: ларец сияет еще бледнее, чем прежде.

Человек в кресле прижал пальцы к виску, будто у него болела голова. Потом с усилием сел прямо, поставил ларец себе на колени и попытался открыть. Но крышка не подалась, и Генри выдохнул с облегчением. Хоть одна хорошая новость за день. Похоже, теперь открыть его может только он сам.

– Да, ларец определенно старинный, – морщась на каждом слове, произнес король. Он говорил так тихо, что Генри едва его слышал. – Но с чего ты взял, что там Сердце волшебства?

Принц замер, не зная, что сказать. Такой вопрос, кажется, ему в голову не приходил. От Олдуса и посланников объяснений тоже ждать не стоило – при виде короля они впали в какой-то ступор. Агата держалась позади, глядя в пол и чуть приподняв края платья, и на ее лице было написано мучительное желание слиться со стеной.

– Будьте любезны, Уилфред, отнесите эту вещь ко мне в покои. Хранитель казны заберет ее оттуда и сложит к другим ценностям, – глядя прямо перед собой, сказал король.

Уилфред, кланяясь на каждом шагу, подошел, взял ларец и начал пятиться назад. Принц так и замер на одном колене, как будто забыл встать, и король, с усилием повернув голову, посмотрел на него тяжелым, расслабленным взглядом.

– Тебя не было за завтраком, – с таким видом, будто вспомнил что-то неподъемно трудное, сказал он.

– Да, несколько дней. Кстати, я еще принес старинные золотые монеты. – Принц вытащил из кармана мешочек и положил отцу на колени.

– Хорошо, – уронил король, глядя поверх его головы. – Уилфред, вернитесь, заберите и монеты тоже. А мне пора прилечь.

– И все? – пробормотал принц.

Генри первый раз видел его таким растерянным.

Король тяжело поднялся, шатнулся назад – двое в золотых куртках тут же поддержали его, но он отвел их руки и нетвердо пошел к двери. А потом заметил Генри – и остановился.

– А это кто такой? Зачем его сюда привели?

Принц вскочил и громко, так что король снова поморщился, объявил:

– Он и есть разрушитель! Он может уничтожать руками. Как в сказке. Я его нашел. Я его поймал!

– Вот этот? – Король с видимым трудом покачал головой. – Так и знал, что все это просто слухи. Когда мне впервые доложили о появлении разрушителя, я был, признаться, напуган. Отправил за ним посланников. Но, судя по вашему виду, господа, вы просто хорошо повеселились, а теперь пытаетесь свалить все на волшебство.

И от этих слов Олдус наконец пришел в себя.

– Ваше величество, вы же читали мое письмо! – отчаянно крикнул он.

– Какое письмо? – устало спросил король. – Я ничего не получал. Вы просто исчезли со всем отрядом и даже не посылали отчеты – я узнавал у Уилфреда.

Олдус приоткрыл рот и не закрыл обратно. Ничего подобного он не ожидал.

– Когда Сердце вернется, все сразу изменится, правда? – Король заговорил чуть громче, и на секунду Генри будто увидел: он не всегда был такой развалиной. – Все станет удивительным и новым. Но пока что-то не заметно. И вот этот ларец – Сердце волшебства? Этот мальчик – разрушитель? Мой сын – новый Сивард? Тогда Барс, полагаю, выглядит как домашняя кошка.

– Это не ваш сын новый Сивард, а он. – Олдус ткнул в Генри, и король бледно улыбнулся.

– Ничем не лучше, господин Прайд. Я не возлагаю на своего сына больших надежд, но все же полагаю, что Барс выбрал бы человека его происхождения. А теперь прошу меня простить. Наступает ночь, а в нашем замке это не лучшее время.

– Стой, отец! – крикнул принц, и Генри подумал: почему они не могут говорить тихо? Видно же, что королю больно от громких голосов.

Но в следующую секунду все мысли о короле вылетели у него из головы, потому что принц вытащил из кармана монету и встал перед Генри.

– Отпустите одну его руку и снимите перчатку, пусть прикоснется. Пусть все увидят, что будет.

– Может, не надо? – еле слышно выдавил один из посланников. – Мы в Башне загадок видели, как он это делает. Жуткое зрелище.

– Исполняйте! – рявкнул принц.

Генри опустил голову. Конечно, монета превратится в пепел, он-то знал это лучше всех. Посланники уже начали развязывать ему руки, и тут раздался женский голос:

– Подождите, господа.

Светловолосая женщина, которая до этого молча следила за разговором, с поклоном подошла к королю.

– Ваше величество, позвольте мне сказать. Вы правы, разрушитель в сказке – само зло и на этого бедняка точно не похож. Но если весть все же правдива, то юноша смертельно опасен, и нельзя дать ему снять перчатки так близко к вашему величеству. Разрешите, я проверю сама за закрытой дверью.

– Вы, как всегда, голос мудрости, Ингрид, – сказал король. Было видно, что он уже устал стоять. – Делайте, как считаете нужным.

– Проверяйте тут! – рявкнул принц, но Ингрид посмотрела на него так, что он замолчал.

– Ваше высочество мне не доверяет? Господа посланники, доведите юношу до двери в столовую.

Генри куда-то потащили, потом втолкнули в пустую комнату, и дверь захлопнулась. Он почувствовал, что руки ему развязали и веревка упала на пол.

– Снимите перчатки, – приказала Ингрид.

Генри снял и хмуро посмотрел на свои руки. На вид такие же, как у всех, – а сколько же от них неприятностей. Тут Ингрид взяла со стола какую-то золотую штуку и встала прямо перед ним. Лицо у нее было высокомерное, а глаза яркие, внимательные, окруженные тонкими морщинками.

– Скажите честно: если вы тронете подсвечник, он сгорит?

Генри кивнул, глядя в сторону. Ингрид минуту постояла, размышляя. Испуганной она не выглядела, и Генри в который раз подумал, что люди зря недооценивают женщин.

– Надевайте перчатки и идите за мной, – решительно сказала она и распахнула двери.

Все стояли на тех же местах, где их оставили, только король снова опустился в кресло. Уилфред уже вернулся и чуть ли не подпрыгивал на месте, явно разрываясь между осуждением и любопытством.

– Ваше величество, – Ингрид подошла к королю и присела, держа края платья, – нет никакого дара, у господ посланников и у вашего сына просто разыгралось воображение. Но я понимаю, откуда взялся этот слух. Руки у юноши изуродованы какой-то болезнью, покрыты шрамами и сыпью, поэтому он не снимает перчатки. Боюсь, это может оказаться заразно, так что лучше не смотрите, – и она брезгливо вытерла руки платком.

Генри растерянно посмотрел на посланников, но, судя по лицам, они не лучше его понимали, что происходит.

– Так и думал, – король слабо улыбнулся. – Не бывает никаких волшебников, бессмертных злодеев и жутких даров, верно? Предки умели делать красивые вещи, мы это умение утратили, и тут вряд ли что-то изменишь. Так, а там-то кто шумит?

За окнами и правда с каждой минутой нарастал гул голосов. Очевидно, все, кого оставили на площади, изнывали от нетерпения, ожидая решения короля, и хотели напомнить о своем присутствии.

– Это люди, дома которых сжег Освальд. Триста человек. Они вам могут подтвердить, что Освальд – не выдумка, – заявил Олдус, кланяясь и одновременно втягивая голову в плечи. Он, кажется, сам был в ужасе от собственной смелости, но молчать не мог.

– Где-то по неосторожности случился пожар, а потом ветер разнес его по окрестностям, – рассеянно ответил король. – Это прискорбно, но зачем их всех сюда привели? Уверен, это была глупая выдумка моего сына. – У принца вытянулось лицо, и Генри улыбнулся. Он ничего не мог поделать со злорадным удовольствием, которое чувствовал каждый раз, когда принцу доставалось. – Делать нечего, придется отправить их в мастерские. Уилфред, распорядитесь. Там у них хотя бы будет кров и еда.

Что такое мастерские, Генри не знал, но по лицу Олдуса сразу понял: ничего хорошего.

– Ваше величество, там даже мужчины ослаблены дорогой, что уж говорить о стариках, детях и женщинах! – пробормотал Олдус.

– Если вы предложите лучшее решение, буду благодарен.

Повисло тягостное молчание. Лучшего решения ни у кого не нашлось. Тогда король поднялся с кресла, едва держась на ногах.

– Господа посланники могут вернуться к семьям. Даю три дня на отдых, а потом – обычные поездки за предметами, все по расписанию. Юношу выведите из дворца и пусть идет на все четыре стороны. Не сажать же мне его в Цитадель за то, что он такой грязный. А теперь, полагаю, разговор окончен. Всем спокойной ночи.

– Но, ваше величество... – начал Олдус.

Король утомленно приподнял руку.

– Если вам надоела ваша должность, так и скажите. Если нет, возвращайтесь к работе.

Олдус беспомощно оглянулся на посланников, но те уже с готовностью кивали и пятились к двери, таща Генри за собой. Кажется, при мысли о том, что все станет как раньше, они чувствовали только облегчение.

И Генри понял: это все. Конец. Сердце погаснет среди всякого хлама в казне, первых мастеров отправят в какое-то ужасное место. И Освальд победит. Генри пока не понимал как, но это точно случится. А его самого ждет смерть, куда бы он теперь ни пошел, как и обещал отец. Последние отблески солнца таяли на разноцветных стенах, блекло подсвечивали нарисованные там цветы, фигуры животных, странных существ, надпись и...

Стоп. Надпись. Выцветшими, угловатыми буквами на одной из стен было выведено:

За дверью ждет тебя ответ,
Коль ты найти его готов,
Ведь у дворца секретов нет
От настоящих мастеров.

Король уже вышел, посланники все настойчивее тянули Генри к двери, но он не двигался. Так вот что напомнили принцу стихи из книги Тиса. И Генри понял, что надо делать. Даже если это последнее, что он сделает, даже если ничего не получится, – это лучше, чем ничего. Отец сам говорил: не давай воли страху и никогда, никогда не сдавайся.

Генри врезал локтями в живот обоим посланникам – те уже привыкли, что он не сопротивляется, и сейчас от неожиданности завалились на пол. А Генри вытащил изо рта шарф, догнал короля и встал перед ним.

– Корона, – произнес он, глядя в мутные от боли глаза короля. Он старался говорить тихо, чтобы не делать ему еще хуже. – Потерянная корона истинных королей. Она вам нужна?

К нему уже бросились двое в золотых куртках, Генри дал им в нос – слегка, просто чтобы не мешали, – и договорил:

– Я могу ее найти. Я отлично ищу потерянное.

– Это просто сказка. – Король не испугался, и Генри не мог понять – то ли он храбрее, чем кажется, то ли у него и на страх уже не хватает сил. – А даже если нет, ее больше двухсот лет не могли найти.

– Вы – может быть. Но тогда тут не было меня.

– Какой наглец! – ахнул Уилфред, но с места предпочел не двигаться.

– И почему вы думаете, что можете? – поинтересовался король.

– Потому что это я нашел Сердце, и мне все равно, верите вы или нет. Дайте мне одну неделю, и я найду ее.

– Зачем мне соглашаться? – Король не сердился, ему будто и правда было любопытно. – В легенде сказано: тот, кто наденет корону, станет великим королем. Даже если вдруг случится чудо и вы ее найдете, зачем вам ее отдавать? Каждый хочет надеть ее на себя.

– Я – нет, – сказал Генри, и король наконец посмотрел ему в глаза, а не куда-то в пустоту. – Дайте неделю и потом делайте со мной что хотите. Я просто хочу, чтобы вы стали таким королем, который всем поможет.

Уилфред со стоном закрыл лицо руками.

– Окончательная катастрофа, – тихо сказал он.

А король вдруг засмеялся, одной рукой схватившись за голову, будто боялся, что она отвалится. Этот звук был таким неожиданным, что все вздрогнули.

– Вы храбрец. Хуже мне уже не будет, верно? – спросил он, глядя на Генри без всякой злости. – Хорошо. Если правда найдете, просите любые сокровища. Но если не сможете, я вас накажу за наглость. Согласны?

– Да. Мне терять нечего.

– Отец, – принц оттер Генри в сторону, – я берусь найти ее быстрее, чем он. Тогда ты будешь мной доволен?

С минуту король переводил взгляд с одного на другого, будто что-то вспоминал, а потом еле заметно кивнул.

– Да будет так. Сейчас десятый вечер от Зимнего дня. Если один из вас найдет ее до заката семнадцатого вечера, я щедро его награжу. Уилфред, распорядитесь, чтобы нашего смелого гостя привели в порядок.

– На неделю оставить его тут? – начал Уилфред с таким лицом, будто у него на глазах рушилась крыша. – Но, сэр, а вдруг он вор?

– А вы не спускайте с него глаз. И усильте охрану на всех выходах, – сказал король и ушел. За ним, потирая носы, спешили двое в золотых куртках.

Принц посмотрел на Генри так, будто жалел, что не имеет способности убивать взглядом, а потом развернулся и пошел в другую сторону.

– Господа посланники, я провожу вас к дверям, – слабым голосом сказал Уилфред.

Двое посланников, которые теперь старались к Генри даже близко не подходить, бросились за Уилфредом. Олдус показал Генри большой палец, хотя, что значит этот жест, Генри так и не понял, и пошел за ними.

– Агата, я сердечно рада вас видеть, но надеюсь, что к завтраку вы приведете себя в порядок, – невозмутимо сказала Ингрид. – Уверена, вы не забыли дорогу к своим покоям. Идите, обрадуйте свою матушку, а я пока устрою молодого человека на ночлег.

Агата поклонилась, вздохнула и с мученическим видом свернула в соседний коридор, на прощание коротко мигнув одним глазом, что Генри решил принять за знак дружбы и одобрения.

– Прошу за мной, – сказала Ингрид, тревожно оглядывая потемневший коридор.

Какое-то время Генри молча шагал, глядя в ее прямую спину, а потом все-таки решился спросить:

– Вы же поняли, кто я. Зачем помогли?

– Боюсь, что человек с такими скромными представлениями о приличиях желает услышать не вежливый, а честный ответ. – Ингрид коротко обернулась. – Его высочество сбежал, не сказав никому ни слова. Я приложила все усилия, чтобы его величество этого не заметил, ему вредно волноваться. Я надеялась, что Эдвард вернется прежде, чем его пропажа обнаружится. Так и вышло. Но он поступил не как хороший сын. Мне показалось, что некоторое охлаждение самолюбия ему не повредит. Я, признаюсь, не предполагала, что мы еще неделю будем наслаждаться вашей компанией.

– Я никому ничего плохого не сделаю, – сказал Генри.

– Поверю вам на слово. – Она открыла перед ним какую-то дверь. – Простите, комната для гостей давно не использовалась, но для дальнейших приготовлений нет времени, солнце сейчас сядет.

– А почему все тут так боятся темноты?

– К утру вы и сами поймете.

Ингрид торопливо захлопнула дверь, по коридору простучали ее шаги, и все стихло.

Генри огляделся. Комната была полна всякого причудливого хлама, которым люди так любят набивать свои жилища. Генри сел на край пыльной кровати, и та скрипнула так, будто сейчас развалится.

Сумерки проглатывали свет с каждой минутой, и вскоре стало совсем темно. Генри растянулся на кровати и приготовился уже как следует поспать, но тут же открыл глаза.

В комнате кто-то был, он каждой клеткой тела чувствовал присутствие – враждебное, тяжелое. Генри был уверен, что незаметно к нему не подобрешься, но все равно оглядел каждый угол. Никого. Он снова опустил спину на покрывало, подняв очередное облако пыли, чихнул и сам вздрогнул от того, как этот звук распорол тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.